

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СТАТЬ ЛЕГЕНДОЙ
НУЖНЫ СВОБОДА, СМЕЛОСТЬ, КАПЛЯ УДАЧИ...
И ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

Арешки

Дарья Манфилова

Дарья Панфилова

Эрелинги

«Эдитус»

2021

Панфилова Д.

Эрелинги / Д. Панфилова — «Эдитус», 2021

ISBN 978-5-00149-607-6

Жестокость и куртуазность, королевские замки и грязные трущобы, поэты и наемники, прекрасные дамы и не идеальные рыцари. Воспетый в балладах и романах мир Средневековья, где честь и благородство идут рука об руку с предательством и интригами. Королевством Мезеркиль несколько столетий правит династия Эрелингов, в своё время узурпировавшая власть. Преследуя далеко идущие цели, представители этого семейства поднимают «из грязи в князи» подростка по имени Лертэно Эртер. У мальчишки нет за душой ничего, кроме отчаянной смелости. Он – всего лишь пятый сын обнищавшего аристократа и, к тому же, внебрачный. В кровопролитной битве Лертэно проявляет немыслимую отвагу. За это король Мезеркиля возвращает юноше земли предков – герцогство Гвернское. Слава о Лертэно быстро разносится по королевству. Одни считают его героем, другие – отъявленным негодяем. «Чтобы стать живой легендой, нужны смелость, свобода, быть может, капля удачи... И очень короткая жизнь», – так думает о Лертэно хитроумный брат короля. Прав ли он, предсказывая герою недолгую жизнь? Сумеет ли Лертэно противостоять дворцовым козням? Вы узнаете об этом, прочитав захватывающий роман Дарьи Панфиловой «Эрелинги».

ISBN 978-5-00149-607-6

© Панфилова Д., 2021

© Эдитус, 2021

Содержание

Глава 1	36
Глава 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дарья Панфилова

Эрелинги

Моему отцу посвящается

Пусть судьба растопчет меня – я посмотрю, не станет ли ей стыдно.

Никколо Макиавелли

Собор Св. Альранда стоял на перекрестке четырех дорог. Громада храма, подернутая утренней дымкой, выступала из вязкого покрова темно-зеленых и черных мхов. Даже старожилы не помнили, кто заложил первый камень высоких серых стен. Ходили слухи, будто гордыня свергнутых Эртеров подтолкнула их на возведение великого собора как символа непокорности горькому поражению в династической бойне. Кое-кто поговаривал, что Эртеры лишь достраивали, а началось все задолго до них, еще до первой мезеркильской династии. Да кто ж в это поверит?

Когда-то тяжелые каменные своды, мощные, уходящие ввысь столбы наглядно подтверждали былую мощь прежних правителей Мезеркиля. Теперь так не строили. Новые церкви взлетали стрельчатыми арками, острые шпили рвали облака, обилие витражей раздвигало пространство светом и цветом. А тельсфорский собор Эртеров оставался печальным воспоминанием о прошлом, как и потомки благородного рода гвернских королей. Перестраивать на новый лад было некому, вернее, не на что. Эртеры нищали, мельчали, память о них блекла, превращаясь в старинную легенду. Хилые наследники могучей династии производили на свет такое же хилое потомство. На протяжении полутора веков у благородного семейства выживали только девочки, передавая родовое имя мужьям. Однако в предпоследнем поколении почти угасшей крови Артори Эртер Тельсфор прожил полных сорок семь лет, оставив после себя пятерых сыновей, младшему из которых этим летом минуло четырнадцать.

Лертэно, пятый отпрыск Тельсфора, черноволосый тоненький подросток, стоял в правом неф¹ собора Св. Альранда подле надгробной плиты с грубо высеченными силуэтами – мужским и женским. Артори и Анна покоились в полу церкви, два года назад соединив руки: он – еще недавно сильную и горячую от крови, и она – истлевшую, с обрывками пергаментной кожи, обнажающими желтоватые тонкие косточки. Юноша с жалостью смотрел на каменное изображение той, что звалась его матерью. Он старался забыть страшный оскал высушенного лица, увиденного, когда надгробная плита была поднята. Лертэно помнил Анну другой – веселой, беззаботно напевающей незамысловатые песенки. От улыбки на ее щеках появлялись ямочки, отмеченные в покое морщинками. Смерть равнодушно стерла их, обезличив распадом и тлением. Запоздалое раскаянье в детской жестокости вызывало жалостливые и непонятные воспоминания. Он вдруг припомнил, что госпожа Тельсфор не знала грамоты и потому не могла написать собственного имени и по-книжному прочесть молитву. Зато... Зато ей были ведомы удивительные и страшные истории, которыми сыновья заслушивались перед сном, поддаваясь волшебству тихого голоса матери... матери...

В свое время младшему сыну Артори Эртера повезло – он занял место мертворожденного ребенка. Мальчика, появившегося на свет днем раньше, положили перед измученной родами Анной, принявшей малютку как свое собственное дитя. А Мария, красивая благородная женщина, вошла в дом его кормилицей. Когда же Лертэно исполнилось три года, сходство с молочной матерью стало настолько очевидным, что кормилице пришлось уйти. В силу возраста он, поплакав, быстро забыл о ней. И если бы не отец, Лертэно никогда бы не вспомнил о синеглазой

¹ Неф – часть церковного интерьера, пространство храма, ограниченное рядом колонн с одной или с двух сторон.

красавице. Но Артори, переполняемый любовью и тоской, отвез сына в Кальярд, где мальчик со временем догадался, кем на самом деле была эта женщина. Безграничное обожание отца, нежность бывшей кормилицы, ее удивительная красота – все это заставило Лертэно боготворить свою настоящую мать. В воображении он наделял Марию теми качествами, которые ей вовсе не были присущи.

Непостижимым образом мальчику удалось сохранить их общую с отцом тайну. Однако иногда ему мнилось, будто Анна догадывалась о продолжающейся связи. Будто боль и тревога мелькали в ее взгляде, когда муж возвращался из Кальярда. Будто радость ее улыбки сменялась горечью догадок. И все же она продолжала любить и ласкать своего «поскрёбыша», как любила и ласкала бы ту мертворожденную девочку, давая Лертэно чуть больше тепла, чем остальным детям.

В полумраке собора изображения на могильной плите были едва различимы. Скупой утренний свет мягко проливался на чудищ, обитающих в резьбе капителей, на арки, на полустертые росписи колон. Прохлада высоких сводов дарила иллюзию защищенности. Ведь там, снаружи, за оградой, отделяющей столпы божественного света от остального мира, там, в неумолкающем щебетании птиц, шла война. Рользат, вторгшийся в Мезеркиль, стремительно рвался на юго-восток.

Лертэно, вздохнув, с легкой тревогой подумал о предстоящих боях. Нет, он не боялся смерти. Ее мало кто боится в четырнадцать, начитавшись хроник, баллад и рыцарских романов. Но сейчас, именно сейчас, было совсем некстати уходить, не успев завершить внутренний, очень нужный монолог. Подросток приготовился сообщить покойному отцу о том, как он не опозорит... однако с досадой отвлекся на фигуру в темном длинном одеянии. Молодой румяный священник, подслеповато щуря глаза, с любопытством рассматривал юношу, не скрывая благодушной улыбки.

– Вы кто? – резко бросил младший Эртер, не скрывая раздражения.

– Меня зовут отец Альранд, я...

– А-а, так вы вместо отца Ирса? – бесцеремонно прервал его Лертэно и, почесав затылок, важно заявил: – Я младший сын Артори Тельсфора Эртера.

Священник, подойдя ближе, еще шире заулыбался. Подросток хотел было оскорбиться этой улыбке, приняв ее за насмешку. Ведь, по правде говоря, внешний вид мальчишки никак не соответствовал отпрыску славного рода. Но на сливовом носу отца Альранда так смешно восседали очки с одним треснутым стеклышком, что Лертэно, не удержавшись, рассмеялся.

– Я слышал, много слышал об Эртерах, особенно о первых, – дружелюбно проговорил священник. – То были великие люди. В моем монастыре хранились летописи на старо-кальярдском, которые мне разрешили прочесть. Удивительная, совершенно удивительная история!.. Здесь лежат все ваши предки...

– Не все, только четыре поколения, остальные – в Кальярде, в королевской усыпальнице... Вот уж не думал, что сюда кого-то назначат. Слышали, небось, враки про это место? А все из-за того, что собор построили на перекрестке четырех дорог. Якобы известно, кто такие места облюбовать спешит. Только я вам так скажу – пустые бабы рассказы! Я сюда каждый день ходил ближе к вечеру – у отца Ирса грамоте обучался. И никакой нечистой силы мне видеть не доводилось.

– Вы стараетесь мыслить здраво, – с одобрением произнес отец Альранд. – Еще до того, как я приехал в Тельсфор, меня предупреждали, что придется столкнуться с суевериями и преодолеть страх прихожан перед храмом. Я считаю все слухи о привидениях беспочвенными, все же святое место, дом Божий. Господь не допустил бы подобной мерзости. Жаль, простой люд не хочет этого понимать. Придется потрудиться, чтобы вернуть народ в церковь.

– Хм... А вы что же, отче, сами вызвались сюда приехать? – с недоверием спросил Лертэно.

Священник пожал плечами. Будь побольше света, подросток увидел бы, как тонзура монаха слегка порозовела.

– Нельзя сказать, будто сам, но в монастыре для меня места не оказалось.

– Значит, заставили... А за что?

Отец Альбранд широко, открыто улыбнулся, простодушно наморщив лоб:

– За вольнодумство.

Лертэно вытаращил глаза и быстро перекрестился. Слышал он о вольнодумцах – читай еретиках. Совсем недавно сожгли таких в Кальярде, пять человек, среди них один священник. Поговаривали, будто нечистого в козлином образе вызывали, кровь невинных девиц пили и на распятие плевали.

Отец Альбранд понимающе улыбнулся и поспешил его успокоить:

– Нет-нет, я не еретик. Просто я немного иначе смотрел на мир, нежели отец-настоятель, но не настолько, чтобы обвинять меня в ереси или сажать на хлеб да воду. Дело в том, что я разделяю взгляды святого Клерона на... Наверное, это вам пока трудно понять. Но если будет интересно, я как-нибудь изложу свои мысли в ваш следующий приезд.

Лертэно согласно кивнул, отметив про себя, что следующий его приезд может и не состояться.

– Меня ждут, – сказал он и, улыбнувшись, добавил: – Вы мне понравились, хорошо со мной говорили. Отец Ирс всегда разговаривал как с ребенком, но я-то уже не дитя.

Священник хотел было ответить, но подросток, предвидя, какую взбучку ему устроят братья, торопливо попрощался и направился к выходу.

За оградой собора, незлобиво переругиваясь, Лертэно ждали старшие братья. Эрмару, главе рода, шел двадцать шестой год. Он был единственным, кто походил на отца: высокий, темноволосый, красивый. Остальные трое напоминали мать – невысокого роста, коренастые, с большими круглыми головами. После смерти отца Эрмар со спокойной уверенностью взял под свою опеку младших, намереваясь быть им защитой и опорой. Поскольку даже не в меру буйные близнецы, Эрк и Норг, были абсолютно беспомощны. Вот только дела шли из рук вон плохо. И теперь ему приходилось вести братьев на смерть, что они, по глупости да по молодости, принимали с безрассудным азартом. А Эрмар философски успокаивал себя тем, что их рожали для битв, славы и смерти. Конечно, славу им не добыть, времена для Эртеров нынче не те. А вот смерти и битв будет предостаточно! Никто из братьев не говорил о будущем, не представлял, что будет делать тот, кому повезет выжить. В Тельсфоре им даже не принадлежал прах предков. Жители Кальярда добились для города самоуправления, земли давно были отняты соседями, замок заложен и перезаложен неверингскому банкиру. Да, удалось сохранить право охоты и небольшой домик, где Эртеры жили последние несколько лет. Неправдоподобное обнищание великого рода, бывшее всем на руку, особенно нынешним правителям Мезеркиля. Оставалась, правда, гордость, не позволявшая просить подачек. Оттого-то каждый из Эртеров понимал: им некуда возвращаться после войны.

Эрмар с щемящим чувством тоски бросил взгляд на опять опоздавшего «поскрёбыша». Тот исподлобья упрямо глядел на родичей, внутренне готовясь к упрекам и тычкам. Долго ждать не пришлось. Сарм, низенький крепыш со вздернутым широким носом, подскочил к младшему брату и со всей силы ударил кулаком в плечо, не забывая зло покрикивать:

– Ну, ты, подкидыш! Где тебя носит?! Из-за тебя никто не хочет проводить ночь перед воротами Кальярда!

Лертэно, не оставшись в долгу, ударил в ответ. Но промазал и, пролетев мимо увернувшегося Сарма, растянулся в пыли под жеребьячье ржанье близнецов. Эрмар отвесил Сарму сначала подзатыльник, потом оплеуху. Тот от неожиданности присел, потирая щеку, – рука у старшего брата была тяжелая.

* * *

Кальярд, столица Эртеров! Один из самых больших и древних городов королевства. Были забыты его основатели, исчезла первая мезеркильская династия, пали Эртеры. Но город жил, распластавшись под ярким солнцем юго-восточных земель, ласкающим его величие и мраморную красу. Располагаясь на крупнейшем торговом тракте, он впитал в себя невиданную для западных жителей королевства роскошь. Даже «Золотой Армалон», столица Эрелингов, не мог соперничать с истинным «королем Мезеркиля». Счастлив был тот, кто владел Кальярдом, жемчужиной Гверна! Правда, с владельцами все было непросто.

После гибели последнего короля из рода Эртеров герцогство Гвернское, единственное в королевстве, не признало власть новой династии и не допускало в своей столице правления наместника-северянина. Эта область Мезеркиля представляла бы огромную опасность для Эрелингов, если бы внутри нее не вспыхнула феодальная бойня, разбившая земли, на которые уже не могли претендовать жалкие наследники Эртеров. Каждый барон, плевавший на бывших правителей, считал себя королем в собственных владениях и продавал свою преданность тому, кто мог ее подороже купить.

В бесконечном хаосе междоусобиц появилась особая каста гвернских наемников, профессиональных воинов-убийц, отлаженных механизмов войны. У них был свой кодекс чести, порой непонятный для обычных вояк, свои знаки отличия, своя иерархия. «Свободные сыны Гверна» были лучшими солдатами в королевстве, переходящими от одного сеньора к другому, не принося присяг, не заключая договоров. Нанимателям оставалось лишь верить их честному слову, которое они почти... почти всегда держали.

С начала нынешней войны столица Гверна оказалась забита «свободными сынами», съехавшимися не только со всего герцогства, но и вернувшимися из-за Лакрассарского моря. Таверны и гостиницы были переполнены бравыми солдатами, поэтому Эртерам, прибывшим в Кальярд, пришлось остановиться на худшем постоялом дворе у самой окраины города. Братьям выделили тесную комнатку на втором этаже, у которой отчего-то не оказалось окна. Оглядевшись, Эрк и Норг начали грызню за кровати. Лертэно сразу догадался, что ему и Сарму, как самым младшим, придется спать на полу. Сарм, однако, был не столь догадлив, и попытался воспротивиться такому раскладу. Но Эрк быстро пресек такую крамолу кулаком по лбу.

Эрмар, никогда не вступавший в перебранки и драки братьев и порядком от них уставший, спустился вниз, чтобы перекусить. Заслышав за спиной обиженное пыхтение младших, он с досадой понял, что остаться одному ему не удастся. Впрочем, Лертэно и Сарма можно было извинить: получив несколько незаслуженных затрещин от буйных близнецов, они посчитали более безопасным последовать за главой семьи, который если и распускал руки, то исключительно по делу.

Потомкам благородного рода кальярдских королей нашлось место за широким липким столом, провонявшим прогорклым жиром и рыбой. Сарм, причмокивая и постанывая, жадно обгладывал кость, утирая рот рукавом. Периодически он прикладывался к глиняной кружке с терпким вином и одобрительным мычанием давал понять, что так хорошо ему еще никогда не бывало. Лертэно же вяло тянул хмельное крепкое пойло и машинально разводил пальцем винные капли по поверхности стола. Ему не терпелось улизнуть с постоялого двора, чтобы поскорее найти знакомую улицу и дом, где его встретит прекрасная синеглазая женщина. Оттого-то он не замечал возбужденных криков солдат, жадно поглощавших баранину с луком, опрокидывающих стакан за стаканом во славу Гверна и громко восхвалявших неких Седоуса и Дерка. Эрмар, напротив, внимательно осматривался вокруг, решая, с кем бы начать беседу, дабы выяснить, куда им держать путь и к кому прибиться.

За соседним столом сидели два наемника с обветренными, рублеными лицами. У каждого в левом ухе покачивалась серьга с крупным сердоликом, что указывало на высокое положение в иерархии «свободных сынов». Один из них, абсолютно лысый, сухой, с хищным ястребиным лицом, для удобства заложил длинные седые усы за уши. Второй – бородатый, тяжелый, добродушный – поглаживал рыжую с редкой проседью бороду. В отличие от других вояк эти двое разговаривали очень тихо и не обращали внимания на обступавший их гомон.

Хозяйка постоялого двора, покачивая широкими бедрами, медленно прохаживалась по залу. Крупная, мясистая баба, она была под стать своим постояльцам, которые, судя по всему, ее уважали и даже побаивались. Остановившись у стола седоусого наемника, хозяйка под села к нему и завела разговор как со старым знакомым. А села она специально так, чтобы видеть Эртеров, о чем свидетельствовали ее взгляды, бросаемые украдкой то на Эрмара, то на Лерт-эно.

– Что, касатики, опять воевать? – спросила она, подперев рукой двойной подбородок. При этом ее глаза покрылись нарочитой поволокой слез.

– Опять, голубка, опять, – ответил ей седоусый. – А как иначе? Наше дело – воевать. Здесь попрощаемся – и в Мезерль. А там нас уже маршал Форльдок ждет. Завтра его старшой сынок выезжает, и мы с ним.

Хозяйка усмехнулась, обнажив на удивление ровные, белые зубы.

– Большой озорник, – сказала она, – шестнадцать годков, а так бедокурит... Всех девок у меня перепортил, ни одной целки не осталось.

Рыжий рассмеялся и сказал:

– Откуда ж у тебя целки, голуба? Сколько к тебе хожу, ни одной не попадалось, или чистеньких для благородных сынков бережешь?

Хозяйка подбоченилась.

– У меня, Дерк, не дом свиданий и не баня. А то, что вы, кобели вонючие, моих девчонок лапаете, так то не их вина и не моя. Как с вами, боровами, справиться? А Гьют этот Эрну и Марию испортил. Как бы других где поприжал, так я не против... А эти-то ангелицами ведь были, себе на приданое в монастырь копили... Но знаешь, я на Гьюрта зла-то не держу, что разобьет, что поломает – за все заплатит. Наутро как узнал, что девчонки-то девками были, столько денег им дал, что хоть сейчас аббатисами заделаются.

Эрмар громко и с усмешкой проговорил:

– Неужто аббатисами стали? Или решили, что можно еще больше денег получить?

Хозяйка махнула рукой и вздохнула:

– Твоя правда, добрый человек... Какой теперь монастырь. От меня ушли, с солдатами на сене валяются. А деньги все растратили. Платьев себе накупили – в них стены и обтирают... Уйдете вы на войну, что им делать? Да и всем нам... Ох, война, война! Вот ты, Седоус, старый дурень, зачем идешь? Осел бы где, детишек наплодил, смерть бы спокойно встретил... Да мой такой же был. Как в Сьере все началось, так он сразу туда побег, все бросил. И что? Остался там лежать, если кто похоронил – дай им Бог...

Седоус погладил ее по пышному плечу, которому было тесно в платье, и спросил:

– И что же ты, как теперь одна? Тяжко, небось? Твой-то – защита. Да и какой-никакой, а мужик.

– Как сказать... Сам знаешь, он больше любил на звезды смотреть да в речку плевать. Все я на себе тащила. Ты его здесь когда-нибудь видел? То-то. Он больше по городу шатался, о красоте этого размышлял... как это... а... мироздания! Грамотный ведь был, Царствие ему Небесное. А я колотилась, старалась для чего-то. А видишь как? Господь детей не дал, совсем одна осталась...

– Ты баба молодая еще, наверстаешь, – уверенно ответил рыжебородый капитан.

Седоусый вдруг внимательно посмотрел на Эрмара.

- А вы откуда будете, добрые люди? Что-то раньше я вас не встречал. Не кальярдские вы.
- Мы с земель к северу от Кальярда, день пути, – ответил Эрмар.

Лертэно, ушедший с головой в смутные грезы о матери, неожиданно прислушался к разговору. С беспокойством он взглянул на старшего брата. Тот вроде бы выглядел спокойным, но в глазах затаилась тревога. Седоусый заметил, как встрепенулся «поскрёбш», и прищурился.

- К северу от Кальярда, как мне известно, – произнес наемник, – находятся исконные земли Эртеров. Там сейчас живут их потомки, те, которым по праву принадлежит Мезеркиль.

Лертэно тихо проговорил:

- Мы оттуда.

Рыжебородый присвистнул и спросил:

- А где же ваши господа? Всю жизнь хотел увидеть настоящих королей, а все недосуг было, да и запущенно у вас как-то.

Сарм, оторвавшись от кости, вытер руки об одежду и, хлебнув из стакана, надменно бросил:

- Мы и есть господа.

За столом Эртеров-Тельсфоров повисло неловкое молчание. Рыжий снова присвистнул.

- Вишь, как бывает, – пробормотал он. – Жизнь – она такая. А ведь всем Мезеркилем правили, в железном кулаке держали. Что ж вы клич-то не кинули, коли такие ваши дела? Все этого ждали... Теперь что делать будете?

Прежде чем Эрмар успел ответить, Лертэно, осмелевший от вина, беспечно произнес:

- Как были сами по себе, так и останемся. Прадед и дед никому не присягали. Отец – никому. Вольные мы люди!

Задумавшийся Седоус пересел к братьям.

- Вот что я скажу, малец, – промолвил он, – нехорошо сегодня быть самим по себе. Нехорошо. Мы-то солдаты, а вот вам, благородным...

- Гверн и вместе с ним Кальярд всегда были свободны!

- Эх ты! Смелый... А вот нет уже Гверна. Какой-нибудь твой пращур, может, еще был настоящим герцогом Гвернским. А теперь каждый держатель лена сам себе хозяин. Думаешь, хорошо это?

Эрмар внимательно слушал солдата и, когда тот остановился, чтобы промочить горло, спросил:

- Как тебя зовут, капитан?

- Усы, вишь, какие? Так и зовут – Седоусом, а настоящее имя давно позабыл.

- «Свободный сын Гверна»?

- Он самый. Здесь почти все такие. У меня людей две тысячи точно насчитывается, лучших вояк я еще не видывал. Сейчас еще кое-кто пристать хочет. И их возьму, так как слышал, что рубаки неплохие... Знаю, для чего спрашиваешь. Только вот почему сразу в Армалон не идешь?

- Нас пятеро. Меч только у меня, остальные с топорами. Бригандины² старые, хоть и не рваные, но у всех обмотки на ногах. Кое-что из денег на теплую одежду потратили, кое-что – на дорогу, надеюсь все-таки до Сьера дойти. Двух лошадей купили, боевых. Знаешь, наверное, сколько такие стоят? Пошел бы я в Армалон, одному-то проще насмешки нынешних государей сносить, а младшим совсем неугоду будет. Уж лучше к своим, к гвернцам, прибиться, если примете, конечно.

- Приму, отчего не принять. Воевать-то умеете?

- А что нам еще уметь, Седоус?

- Звать вас как?

² Бригандина – доспех из пластин, наклепанных под суконную или стеганую льняную основу.

– Меня – Эрмаром, черноволосый – Лертэно, веснушчатый – Сарм. Наверху близнецы, Эрк и Норг. Вот они-то хорошо рубятся, да и свирепые, как кабаны...

Сарм загоготал:

– Это они от голода.

Хозяйка постоянного двора, последовав примеру Седоуса, пересела к Эртерам и, как прежде подперев подбородок руками, произнесла:

– Сколько же годков вашему синеглазому?

Эрмар, потрепав брата по плечу, ответил:

– Четырнадцать уже.

– Ай, и с вами идет? Так я погляжу, он умом скорбен. Может, оставите у меня на время? Я за ним приглядывать буду.

– Поздно за ним приглядывать-то. Сама понимаешь, некуда ему деваться.

– Помирать идете, верно?

Старший из Эртеров попытался улыбнуться. Верно говорила хозяйка, от безысходности шли. Наверное, все же был смысл в этой войне, если она избавляла их род от окончательного падения и позора. Была ли в том вина их предков – он никогда не задумывался. А то, что ни один Эртер на поклон в Армалон не пошел, дали разорвать свои земли в клочья... Видно, времена такие были. Бог – судья. Поздно было сейчас что-то менять.

Седоус со всей силой ударил стаканом по столу, отчего разлетелись в стороны брызги вина.

– Весь запад Мезеркиля уже занят, – прорычал он. – Чует, видать, Рользатский Лис, что нет прежней силы, как при покойном государе.

Эрмар пожал плечами и произнес:

– Слышал, будто молодой король не производит впечатление слабого. За год своего правления он проявил мудрость и гибкость, достойные его отца.

– А как же он допустил, что рользатские псы рвутся к Армалону?

– Кто знает, что допустил бы я на его месте, что допустил бы ты?

Седоусый ослабил и быстро согласился:

– И то верно!

Хозяйка положила свою необъятную грудь на стол и, жалобно глядя на Лертэно, пропела:

– Не жалко такого красавчика на убой отправлять?! Вы-то бывалые, что ты, Седоус, что ты, молодой господин. А он-то совсем зеленый. Даже этот боров веснушчатый жить захочет и выживет, еще как выживет, вон ручищи какие... А синеглазый... Он и женщин, верно, не знал еще.

Сарм, презрительно взглянув на Лертэно, воскликнул:

– Какие женщины?! Он их только во сне видел. Синеглазый у нас – девчонка. Как дело дойдет до настоящей драки, он тут же в обморок хлопнется.

Хмельной Лертэно беззлобно ткнул брата кулаком в плечо. Седоус глянул на синеглазого Эртера и задумчиво произнес:

– Врешь, парень, ему бы первый бой продержаться, а там дело пойдет, глядишь, и до Сьера дойдет... может быть.

«Поскрёбыш» недовольно поморщился и поднялся из-за стола. Его мутило от вина и обильной пищи. А уж подняться на второй этаж представлялось великим делом. Преодолеть лестницу было трудно, поэтому в полете Лертэно прислонился к стене и попытался собраться с мыслями.

– Эй, синеглазый! – женский голос звучал очень ласково.

Хозяйка постоянного двора стояла внизу и бесстыдно его осматривала. Лертэно замахал рукой, желая прогнать ее. Однако она не уходила и продолжала смотреть. Протянула руку и с нежностью спросила:

– Синеглазый, ты и вправду женщин не знаешь?

Лертэно покачал головой.

– Как же так, ведь такой красавчик... Ты лучше спустишь ко мне, спускаться-то всегда легче, чем подниматься. Спустишь, спустишь. Ведь наверняка хочешь узнать, что мы такое. Хочешь?

«Поскрёбыш» хотел было отказаться, но непонятным образом оказался внизу, глупо смеясь и кивая.

Ее тело было потным и пахло рыбой. Совсем как тот стол, за которым он недавно сидел. Она осторожно гладила его лицо, волосы и что-то постоянно шептала. Юношу мучило от запаха, от прикосновений, от розового рыхлого тела, которым он так неумело и быстро овладел. Он сполз с кровати и начал торопливо одеваться. Хозяйка постоялого двора с жалостью смотрела на него и не удерживала.

Лертэно, выбежав из комнаты, столкнулся с Сармом. Тот был пьян и вызывающе нахален. При виде брата «поскрёбыш» отвернулся к стене, неприятный спазм сжал горло, и его начало рвать. Сарм победно захохотал и завопил:

– Слабак! Поделом тебе. Рано еще по бабам бегать!

С этими словами он гордо прошествовал в комнату, которую Лертэно только что покинул. Однако через мгновение дверь распахнулась, и Сарм кубарем вылетел, ударившись о противоположную стену. Теперь настал черед смеяться младшему брату. Сарм хотел было обидеться и надавать тумачков, но вместо этого и сам принялся хохотать, весело похлопывая себя по ляжкам.

На следующий день, перед тем как уехать из Кальярда, Лертэно, почти не мучимый похмельем, вышел в город и быстро разыскал знакомую улицу и нужный дом. Но Марии там уже не оказалась. Какая-то женщина сказала ему, что муж увез синеглазую красавицу в Артехей.

* * *

Рользат, бодро отшагав по Мезеркилю первые месяцы, все-таки увяз на подступах к Армалону. Эрелингам удалось избежать осады столицы и не пустить чужестранцев на юг королевства, к Лакрассарскому морю, к которому так жадно стремились северяне. Мезеркильское командование мучительно и долго уклонялось от генеральных сражений, о коих с упоением мечтали юнцы и с восторгом вещали летописи. Рользатцы, напротив, упорно навязывали бой, должный определить исход этой войны, но тщетно. Измотанная мелкими стычками, партизанскими наскоками, откровенным вредительством мезеркильцев, не шадивших собственных амбаров и пахот, чужеземная армия начала отступление. Рользат уходил из сердца Мезеркиля, чтобы вгрызться в его северные земли, в скалы и хребты Артехей. Эрелинги понимали, рано или поздно им придется порадовать своих баронов и летописцев. Однако при этом считали, что лучше – поздно. Оттого-то мезеркильские войска долго и нудно шли за отступающим неприятелем. И несли потери. Порой совершенно нелепые.

Казалось бы, сидишь себе мирно в бивуаке на опушке, со «свободными сынами Гверна» прибаутками перекидываешься. Караульные – на месте, рты раззявив, ворон не считают. Похлебка в котелке булькает, и мысли о бабах в голову лезут. И тут – на тебе! Налетел кто-то, пошумел, котелок опрокинул и в лес утек. Кто? Что? Зачем? Разведчики Рользата? Лихие люди? Сразу и не разберешь. Повскакивали, поорали, пришли в себя. Огляделись – и живыми двух человек не досчитались. Не повезло в этот раз свирепым близнецам-Эртерам. Глупо вышло, да и жалко. Бравые ребята были, небольшого ума, конечно, так не всегда солдату умно нужен. Им бы еще повоевать, шлюх пощупать, дернуть птицу-удачу за хвост и перо вырвать. Но... вишь, как оно...

Эрмар смотрел на тела близнецов, слушал объяснения Седоуса и гнал от себя мысли о том, остались бы Эрк и Норг живы, если бы оказались в этот день с отрядом рыжебородого Дерка? Сарм и Лертэно растерянно переглядывались, переминались с ноги на ногу, напоминая волчат, вдруг оставшихся без матери. Старший Эртер знал: украдкой они глядят на него с обидой и упреком. Звереныши, выучившиеся грабить и убивать. Вот сейчас на поясе Лертэно висел кошель с золотыми монетами, снятый с убиенного ростовщика, который неудачно отправился в путь одновременно с отрядами гвернских наемников. «Поскрёбыш» сумел раздобыть неплохую бригадину и шлем с небольшой вмятиной. Со шлемом расстался веснушчатый Сарм, обменявший его на кинжал в драгоценных ножнах. Звереныши! Верно их обозвал Седоус, ох, верно!

Мрачный Дерк молча сплевывал себе под ноги и почему-то избегал встретиться взглядом с Эрмаром. Седоус, напротив, сердобольно смотрел в глаза, цокал языком и сетовал на то, что скоро из настоящих «кальярдских королей» никого не останется. Суетливые причитания капитана вывели из себя старшего Эртера, который резко и громко наконец-то спросил: где же были «свободные сыны», ратующие за судьбу последних «кальярдцев», когда Эрелинги узурпировали власть? Седоусый замолк, разводя руками, а рыжебородый капитан тихо ответил вместо него, что женщинам не след править Мезеркилем и Гверном. И как на это возразишь?

А впереди был Артехей и его «морксарские псы» войны, грызшие и резавшие рользатцев не хуже «свободных гвернских сынов». Войска встречались, соединялись, двигались дальше, вырывая каждую пядь своей северной земли.

Герцогство Артехейское формально принадлежало младшему брату короля, Рэссимонду. Славилось оно белокурыми красавицами с льдистыми прохладными глазами, и мощными боевыми лошадьми, что выдерживали полностью экипированного рыцаря и резво летели на врага, не боясь ни стрел, ни копий, ни огня. Столицей герцогства считался Артехей, после пограничных Сьера и Морксара первым принимавший удар вражеских армий с северо-запада. Легкий прозрачный воздух белокаменного города пьянил не хуже тяжелой пышности Кальярда. Весеннюю легкость и свежесть Артехея, казалось бы, не тронули ни тление войны, ни тяжелая долгая осада, которую сняла-таки мезеркильская армия.

В столице герцогства гвернские наемники задержались на неделю. Расположившись на постое, солдаты принялись использовать эти дни с полагающимся размахом, обогащая бордели и питейные заведения, работавшие даже в обескровленном осадой городе. Пропив два дня и день мучаясь от похмелья, Лертэно оставил Сарма со случайными подружками и отправился искать мать. Он довольно скоро выяснил, как ему найти квартал оружейников, но заблудился и второй раз вышел на главную площадь города, где, на удивление, бойко шла торговля. Как такое было возможно, «поскрёбыш» не задумывался. Он с любопытством бросал взгляды на товары, терзаясь одновременно жадностью и желанием немедленно потратить все деньги. Среди всеобщего гомона и выкриков его внимание привлёк нарочито громкий смех позади себя. Лертэно оглянулся и увидел трех молодых аристократов. Одного из них юноша определенно знал. То был Гьют Форльдок. Сын первого маршала, возвышавшийся над своими спутниками, громко смеялся, крепко держа за шиворот хорошенького белокурого мальчика в грязном, но дорогом, расшитом золотом кафтанчике. Мальчик шмыгал носом и вытирал слезы с запыленного лица. Гьют свободной рукой изредка давал ему затрещины, пресекая отчаянные попытки маленького аристократа вырваться из железной хватки маршальского сына.

— Я все равно сбегу в Сьер! — зло прокричал мальчик, встряхивая золотистыми кудрями. — Мне уже двенадцать, многие в этом возрасте сражаются вместе с отцами, а вы меня заставляете сидеть с женщинами. Может, мне научиться прясть и вышивать?! Я умею драться! Я воевать хочу, а не смотреть целыми днями на Шарлику!.. Ну, ничего, вы обо мне еще узнаете, я прославлю род Форльдоков!

Гьют снова засмеялся и отвесил новый подзатыльник.

– Конечно, ты, – весело согласился он, – кому ж еще? Кто же без тебя о нас узнает?

Лертэно сделал вид, что с интересом рассматривает выложенный товар, а сам украдкой поглядывал на развернувшуюся сценку. Стоявшие рядом с Гьютром молодые люди снисходительно улыбались, явно забавляясь происходящим. Один из них, рыжеватый юноша в изысканных одеждах, коснувшись серой перчаткой руки Форльдока, произнес:

– Пожалей своего брата, Гьют. Он достойный сын первого маршала. Да, Армондэ виноват в том, что он ослушался приказа отца, однако помыслы его были чисты. Он, как и все мы, хотел защищать Мезеркиль. К тому же пройти такой долгий путь от Штадри до Артехея!..

Второй молодой человек с полуулыбкой оглядывал раскрасневшегося от гнева маленького Форльдока и пока молчал. Лертэно еще никогда не видел такого бледного, безобразного, при этом породистого лица с очень светлыми северными глазами. Волосы молодого дворянина, почти бесцветной паутинкой ложившиеся на плечи, казались совсем белыми из-за черного камзола, расшитого серебром. Если у кого и была древняя кровь, о которой ходило столько легенд, так только у этого некрасивого человека.

– Как же вы осмелились сбежать, Армондэ? – медленно, чуть растягивая слова, проговорил бесцветный аристократ. – Ведь ваш отец приказал вам присматривать за матушкой и сестрой. А вы бросили двух беззащитных женщин. Нехорошо-о. Вы же знаете, что такое война. Ежели с вашим отцом и братом случится беда, что ваша матушка будет делать без вас?

Мальчик задумался, было видно, что слова молодого человека ему не понравились. Он насупился и принялся водить носком остроносых рваных башмаков по земле. Гьют потрепал брата по голове и сказал, обращаясь к рыжеватому юноше:

– Думаю, ты прав, Рэс, надо бы его простить и не рассказывать отцу, что он вытворяет. А то у маршала рука потяжелее моей будет. Только как этого засранца отправить обратно в Штадри, чтобы отец не узнал? Кого с ним послать? Вы, граф, – Гьют склонил голову в сторону бесцветного молодого человека, – придумайте, как бы утешить в письме нашу матушку, уж больно у вас это хорошо получается. Только не упоминайте меня и его высочества. Не взыщи, мой принц, – снова обратился он к юноше с серыми перчатками, отчего-то поразившими воображение Эртера, – но матушка уверена, что мы с тобой во всех делах заодно, и не дай бог ей подумать, что мы вдвоем подбили Армондэ удрать в действующую армию.

Лертэно, даже открывший от интереса рот, вдруг заметил, что молодой человек в черном, которого маршальский сын называл графом, его разглядывает. Ситуация выходила глупой, и «поскрёбыш» намеренно небрежно поклонился, чем привлек внимание юноши-принца. Тот с изумлением указал на него Форльдоку. Гьют насупился и громко крикнул:

– Ты чего это на нас уставился?

Вопрос привел Лертэно в замешательство, и он не нашелся что ответить. Маршальский сын, покраснев, нетерпеливо продолжил:

– Чего молчишь? Или не знаешь, как с благородными людьми разговаривать надо, сволочь? Отвечай, когда я тебя спрашиваю!

Эртер, в котором неожиданно заиграла королевская кровь, вспыхнул и нарочито резко произнес:

– Можете не кричать, господин Форльдок, у меня хороший слух. Меня тронуло проявление героизма вашего младшего брата, что заставило проявить к вам внимание чуть больше, чем вы того заслуживаете. Как нужно разговаривать с господами, вроде вас, я имею представление. Только никак в толк не возьму, отчего вы, сын маршала, обращаетесь ко мне, Эртеру, как к хаму? Или вы считаете, что в моих ножнах клинок из менее прочной стали, чем ваш?

Гьют, сначала расвирепевший, вдруг расхохотался и, показывая на Лертэно пальцем, сказал:

– Да он сумасшедший! Местный дурачок. Эртеры-то все вымерли давно.

Бесцветный аристократ мягко взял Форльдока за локоть и проговорил:

– Вы не правы, Гьют. Насколько я знаю, не так давно умер Артори Тельсфор, который вел свою родословную по женской линии от Эртеров. После него осталось пять сыновей.

Лертэно покачал головой и тихо поправил:

– Трое.

Юноша-принц серьезно посмотрел на Эртера и спросил:

– И вы можете доказать, что в вас течет кровь благороднейших людей, не только словами, но и чем-нибудь более существенным?

– Пока вам будет достаточно слова чести?

– Да какая у тебя честь, оборванец?! – с негодованием воскликнул молодой Форльдок.

Рука Лертэно легла на эфес, но тот, кого называли графом, неожиданно сильно схватил его за плечи. Невесомые белые волосы коснулись щеки, и уверенный голос настойчиво произнес:

– Немедленно уходите, господин Эртер. Негоже вам сейчас обнажать клинок в присутствии его высочества герцога Артехейского. Да и наживать сегодня врагов я бы не посоветовал. Поэтому идите своей дорогой и примите на веру, что вашей чести не было нынче нанесено никакого урона.

– Вы кто? – с удивлением спросил Лертэно, высвобождаясь из графских рук.

– Ноарион Вользуанский. Только вряд ли вам о чем-то говорит мое имя. Прощайте, господин Эртер. Надеюсь, наша следующая встреча будет иной.

Лертэно хотелось сделать что-нибудь эдакое, красивое. Но в голову, как назло, не приходило ничего путного, поэтому ему пришлось просто развернуться и неторопливым шагом свернуть на одну из примыкавших к площади улочек. После чего он уже пустился бежать, поражаясь, как смело и гордо он разговаривал со знатными господами.

Принц посмотрел ему вслед и спросил у графа:

– Не из тех ли он Эртеров, о которых вы шепчетесь с моими братьями и каждый раз замолкаете при моем появлении?

– Что я могу ответить, ваше высочество? Видимо, да. На сумасшедшего явно не похож, для авантюриста, пытающегося добиться чего-то на столь славном имени, – слишком молод. Скорее всего, он и вправду один из младших отпрысков Тельсфора. А его несколько странный вид лишь подтверждает слухи о крайней бедности этого рода.

– Это опасно?... Вы понимаете, о чем я?

Граф на мгновение задумался и взял принца под руку.

– Династия Эрелингов правит уже двести лет. Ваш предок, взошедший первым на престол, был единственным, кто по праву мог занять трон Мезеркиля. У Эртеров остались одни женщины. Вас призвало королевство, вашу власть благословил первосвященник. Какую же опасность таит для вас этот мальчик?

Негодующий Лертэно, уже не слышавший этого разговора, все же нашел нужную улицу и дом. Он постучался в дверь, но на его стук никто не ответил. Сердце колотилось и ходило ходуном. Юноша постучался еще раз. Послышались торопливые шаги. Сердце сжалось. Дверь открыла высокая черноволосая женщина с прозрачными синими глазами. Некоторое время они просто стояли и смотрели друг на друга. Потом женщина ахнула и прикрыла рот ладонью. Лертэно, оглядевшись, переступил порог, увлекая за собой мать. Она неловко обняла повзрослевшего сына и нежно прижалась губами к его лбу, обдав ароматом мускуса. Он, не привыкший к ласке, глупо, словно жеребенок, перебирал с ноги на ногу подле нее, не решаясь ни обнять, ни поцеловать в ответ. Ему хотелось что-нибудь сказать, но он боялся неправильных, неуместных слов, которые могли быть некстати. Наконец Лертэно произнес:

– Мама, я пришел. Правда, без отца... Отец умер... вот... – он положил на стол мешочек с золотыми. – Я один не мог приехать. Причину-то трудно придумать.

Мария чуть отстранилась и быстро огляделась по сторонам.

– Ты как сюда дошел? – тихо спросила она.

– Вместе с армией.

Между ее бровей легли недовольные складки. Лертэно это понравилось. Оказывается, о нем беспокоятся. Мария снова огляделась и так же тихо, почти шепотом, сказала:

– Значит, воюешь... Почему тебя не оставили в Тельсфоре или у кого-нибудь в Кальярде? Желая казаться взрослее, он спокойно и гордо, чуть выпятив грудь, произнес:

– Я солдат... Мне уже пятнадцать – самое время воевать.

Заметив недоумение и снисходительную усмешку в ее глазах, Лертэно вдруг почувствовал тоску и обиду от несправедливости происходящего.

– У нас не было другого выхода, – жалобно проговорил он. – Тельсфора больше нет. Нам надо было как-то жить.

– Все живы? – в голосе матери не было ни тревоги, ни печали. Она, наверное, понимала, каков будет ответ.

– Уже нет. Близнецы не дошли до Артехея. Нас трое осталось. Но мы сильные. Ты не плачь только. Война – это наше дело, мужское. И не думай, со мной ничего не случится, мне еще нужно дойти до Сьера. А потом я опять приду к тебе, и у меня будет много таких мешочков... Ты будешь мною гордиться!

Она и не собиралась плакать. Он показался ей очень взрослым, таким, каким она представляла его в своих мечтах, редко думая о нем, как о ребенке. Что сказать? Утешить? К чему? Мария просто прижала сына к груди. Но все-таки вот оно – материнское сердце! Не выдержала, заплакала и никак не могла остановиться. А он сразу, почувствовав себя сильным (глупый мальчик!), настойчиво посадил ее на скамью, а сам пристроился у нее в ногах. Она вздохнула, надеясь, что никто из любопытных ленивых слуг не поинтересуется, чем же здесь занимается госпожа-оружейница. Некоторое время они тихо сидели, не говоря ни слова. Мария гладила его волосы (такие же, как у нее!). Эти прикосновения были ему приятны, как и запах, терпкий аромат мускуса.

– Когда ты уезжаешь? – спросила мать.

– Мы уходим послезавтра.

– Так быстро...

– Приходи попрощаться, я скажу, где мы остановились. Завтра приходи. Тебя никто не увидит.

Как хотелось согласиться! Еще раз побыть с ним, намотать на палец смоляную прядь, поцеловать лоб и каждый васильковый глаз. Но...

– Нет, милый, я приду, когда вы будете уходить из города, так будет лучше и для тебя, и для меня. Ты, возможно, не увидишь меня в толпе, но знай, я буду там.

Он будто бы понял.

– Почему ты не спрашиваешь об отце?

– Да нечего уже спрашивать, милый. И незачем.

* * *

Мезеркильская объединенная армия заняла позиции неподалеку от Сьера. Наутро рользатцы должны были дать бой, то самое долгожданное сражение, которое если и не ставит точку в войне, то зачастую решает ее исход.

Накануне ночью Седоус, Дерк и трое Эртеров сидели вокруг костра, кутаясь в плащи от ночной прохлады. Лертэно пожевывал травинку и смотрел на звездное небо, иногда прислушиваясь к треску хвороста. Сарма, где-то подцепившего лихорадку, билла мелкая дрожь. Он прижимался к младшему брату и все повторял, что ему не хватает тепла. В последнем бою веснушчатый крепыш лишился уха, и мысль о шлеме, неосмотрительно обменянном на дра-

гоценный кинжал, приводила его в отчаянье. Эрмар с тревогой наблюдал за братьями, видя в них то, что ему не нравилось. Особенно в «поскрёбыше», в любимчике отца, которого ему наказали беречь.

К костру подошли двое. В отблеске пламени Эрмар разглядел, что оба были очень молоды. Седоус почтительно кивнул и подвинулся. Старший из молодых людей протянул руки к огню и начал разговор:

– Что, капитаны, правду люди говорят, будто нынче вы и ваши люди сами по себе?

Седоус, ухмыльнувшись, подбросил веток в костер.

– Может, и так, господин Туларо, – проговорил он. – Завтра вместо батюшки войско поведете?

Туларо печально кивнул. Его большие темные глаза, почти не моргая, смотрели на огонь. Помолчав, он сказал:

– Мы с братом выехали из Гверна, как только узнали, что отец погиб. Без передышки скакали, и только вчера нагнали вас... Рассказывают, что с вами идут потомки Эртеров, о которых все позабыли. Врут или как?

Сарм оскалился и, теснее прижавшись к Лертэно, процедил сквозь зубы:

– Что-то в последнее время все интересуются нашим происхождением. С чего бы это? Ты как думаешь, Лер?

Лертэно не ответил, продолжая смотреть на небо. Ему почему-то вспомнился сгинувший муж хозяйки постоялого двора. Прав был тот неизвестный ему человек – о чем еще думать в такую ночь, как не о мерцающих огонечках на черно-фиолетовом полотне неба.

Эрмар спокойно произнес:

– Правду говорят, господин Туларо. Вот, трое нас осталось. Как вышли из Кальярда с Седоусом и Дерком, так и дошли до Сьера.

Туларо окинул взглядом Эртеров и, не придав никакого значения младшим, обратился к Эрмару:

– Многие к вам относятся с подозрением. Как-никак, а вы можете попытаться вернуть былую власть. Не смейтесь, кое-кто так всерьез полагает. Да хоть старый Варлис с сыновьями! Сильные семейства Гверна не допустят вашего возвращения, никому не хочется терять даже тени своей независимости.

– А вы что? Для чего пришли и такие странные вещи рассказываете? Видите же, **что** мы такое, и кому на самом деле можем угрожать. Или так, предупредить?

Туларо понимающе улыбнулся и проговорил:

– То, что я скажу, покажется вам безумием, но я слышал солдат, которые рады вашему появлению. Гвернские наемники пришли сюда сами по себе, как Седоус или Дерк, ни к кому не нанимаясь. Еще три месяца назад их договор с Эрелингами истек. Вы понимаете? Они пришли сюда за Эртерами.

Эрмар протестующе махнул рукой:

– Ничего больше не говорите, господин Туларо. Своими речами вы лишь смущаете моих братьев. Мне же давно все понятно. От Эртеров в нас осталось очень мало: у нас нет былой славы, силы, денег. У нас нет даже земли, на которую можно вернуться.

– Просто примите мои слова к сведению. И я хочу, чтобы вы знали, – семья Туларо, хоть мы и не богаты и у нас нет особого влияния, вас всегда поддержит... во всем. Я даю вам слово. Если я погибну, обязательство возьмут на себя мои братья.

Сарм захихикал и толкнул Лертэно в бок:

– Слышишь? Нам на верность, кажись, присягают.

Туларо, казалось, пропустил мимо ушей укол веснушчатого Эртера. Он встал вместе с братом и, поклонившись Эрмару, скрылся в темноте. Лертэно бросил травинку в костер и спросил:

– Эрмар, зачем он это говорил? Неужели нас захотят убить?

– Да кому мы нужны, Лер? Зачем говорил? Кто его знает, люди разные бывают. Если грамотный, начитался чего-нибудь о наших предках, вот в голову и лезут всякие бредни...

«Поскрёбыш» кивнул, вновь обратив взгляд к распахнутым темным небесам. А старший Эртер подул на замерзшие пальцы и, обращаясь к Седоусу, с горькой усмешкой произнес:

– Надеюсь, завтра – всё, конец.

Наемник поморщился и залихватски заправил ус за ухо.

– Э-э, не скажи, – промолвил он. – Кто-то да выживет. Твои-то малыцы – молодцы. Первыми должны были полечь, а вот выжили, еще злее и выносливее стали. Да и то вопрос, кончится ли война завтра.

– Мы дошли до Сьера, а Сьер всегда был мезеркильским.

– Хорошо ты, господин, рассуждаешь, нравится мне... На-ка, Сарм, возьми шлем, завтра тебе без него – никак.

Веснушчатый Эртер прижал шлем к груди и уткнулся носом в плечо Лертэно, стараясь унять дрожь. Младший брат крепче его обнял и принялся напевать где-то услышанный мотив. Эрмар тихо подхватил, бессмысленно глядя на костер. Ему не хотелось думать, что их ждет утром. Он никого не смог уберечь от бесчестия, грязи и унижений. И если завтра им удастся погибнуть сообразно своему имени, то это будет подарком судьбы. Вот только младшие так не считали. Его синеглазый брат улыбнулся, и в свете пламени улыбка «поскрёбыша» была похожа на волчий оскал...

Лертэно выбрался из-под тяжелого тела. Голова кружилась, мокрые от крови и пота волосы липли к лицу. Юноша попытался подняться, но ничего не вышло. Пришлось встать на четвереньки. Невдалеке продолжался бой. «Поскрёбыш» разглядел среди солдат мятущийся штандарт Эрелингов со вспыхивающими солнцами на пурпуре. Он повернулся и с трудом поменял положение, оказавшись спиной к битве. Увидев среди мертвых тел изрубленного Сарма, Лертэно не смог сдержать рвоту. Чуть поодаль, в луже крови, положив руку на кальярдское знамя, лежал старший Туларо с разможенной головой. А рядом с ним – еще живой хрипящий Эрмар. Гвернские наемники со своими капитанами, готовые к обороне и отступлению, неподвижно стояли в десяти шагах от Лертэно и смотрели на уцелевшего потомка кальярдских королей. Младший Туларо, дрожа, прижимался к Дерку и не скрывал слез, оставляющих светлые полосы на грязном лице. Тут же, опершись на окровавленный боевой молот, не сводил с Эртера тяжелого взгляда странный неприятный человек в дорогом доспехе.

«Поскрёбыш» убрал мешавшую прядь с лица и, найдя какую-то грязную тряпицу, повязал ею голову. Он вдруг осознал, что битва проиграна. «Один, Господи, совсем один! – пронеслось в голове. – Не может быть, так просто не бывает... Нет, мама, мама есть». При мысли о матери, о ее прикосновениях, аромате мускуса ему захотелось броситься к гвернцам и спрятаться за спину Седоуса. Поборов первый порыв, Лертэно на четвереньках пополз к Эрмару. Левая рука нестерпимо болела. «Почему они так на меня смотрят?» – подумал он. Боль в руке раздалась по всему телу, Лертэно взвыл и припал на плечо. Седоус хотел было броситься к нему, но Дерк движением руки его остановил. Юноше ничего другого не оставалось, как, поскуливая, ползти дальше. Увидев его, Эрмар сделал попытку приподняться и что-то провыл. «Поскрёбыш», всхлипывая, потормошил его здоровой рукой и проговорил:

– Не умирай, пожалуйста, не оставляй меня. Сарма больше нет. Слышишь? Что со мной будет, если ты умрешь? Давай, я тебя подниму, и мы попытаемся уйти... я тебя выдержу, я теперь сильным стал, помнишь, как Седоус сказал?

Эрмар снова зашевелился и попытался дотянуться до кальярдского знамени. Когда же это ему не удалось, он приподнял голову и прерывисто проговорил:

– Там гибнет Мезеркиль... король в окружении... с ним... если плен... Кто-то должен туда пойти... прямо сейчас... ты... понял?..

Лертэно с изумлением посмотрел на него и перевел взгляд в сторону битвы. Знамя Эрелингов все еще развивалось над бойней. Эрмар, воя от боли, отчаянно замолотил рукой по земле. «Поскрёбыш» завопил:

– Эрмар, что ты?! Мы отступаем, короля не спасти... армия не вступается за своего государя! При чем тут мы?! Гверн стоит и не двигается с места... Никто уже не поможет, это конец!

Эрмар скривил в улыбке запекшиеся губы и покачал головой:

– Кто-то должен... ты должен, раз я не могу...

Лертэно посмотрел на гвернских солдат, те стояли и не сходили с места. Неприятный незнакомый аристократ продолжал рассматривать его с брезгливым, злым интересом. Юноша снова склонился над братом.

– Почему я? – прошептал он.

Эрмар с трудом выдавил:

– Последний... Иди!

Возможно, дело было в безрассудстве юности, а может быть, свою роль сыграла не до конца разбавленная кровь предков, огнем бежавшая по венам. Или то, что «поскрёбышу», действительно, нечего было терять. Какая разница? Вытирая слезы и сопли, пошатываясь, Лертэно встал на ноги, сжав в руке меч Эрмара.

Гвернские наемники молчали.

– Ну что же вы остановились?! Вы – храбрые сыны Гверна! – крикнул Лертэно, подивившись звонкости своего голоса. – Там на ваших глазах гибнет королевство, а вы думаете: не пора ли отступить? Собрались бежать?! Или Гверн – не Мезеркиль, или Рользат не пойдет так далеко на юго-восток? О нет, они дойдут... придут на наши земли! И что станет тогда со свободным Гверном, когда начнут грабить и убивать, уводить ваших жен и дочерей? Вы будете так же стоять и смотреть? Чего вы ждете?... Мои предки вели ваших пращуров в бой, и ни один не дрогнул, отступив. Я – последний Эртер! – Превозмогая нестерпимую боль, он поднял и крепко сжал в левой руке кальярдское знамя. – Я не хочу видеть, как рользатские собаки рвут и топчут мое достоинство, самого меня – потомка кальярдских королей! И я, Эртер, говорю вам, славные сыны Гверна, – вперед!

* * *

На холме, над полем битвы, расположилось командование мезеркильской армией. Герцог Милертский и герцог Артехейский, братья гибнущего короля, первый маршал Форльдок и граф Вользуанский внимательно следили за боем. Семнадцатилетний Рэссимонд Артехейский, не скрывая злости, носился на гнедом жеребце по пригорку, выкрикивая проклятия рользатцам. Артори Милертский, положив руки в латных перчатках на высокую луку седла, высматривал в мешанине схватки старшего брата. Его точеное лицо было спокойно, даже в глазах, серых, как пасмурное небо, никто не углядел бы и тени тревоги. Он слегка склонил голову, прислушиваясь к словам первого маршала, который обращался исключительно к нему, едва обращая внимание на герцога Артехейского и графа Вользуанского.

– Ваше высочество, – Форльдок говорил прямо, не оставляя никакой надежды, – вы должны понимать, что битва проиграна. Его величество поддался, несомненно, благородному, но безрассудному порыву, когда сам кинулся в бой. Сейчас наши силы не равны. Мы потеряли лучших рыцарей, большую часть кавалерии. Рользатцам ничего не стоит прорвать левый фланг, а мне его нечем восполнить. Можно было бы положиться на Гверн, но его войска практически обезглавлены, и Варлис пытается удержать своих людей от бегства. Надеяться на наемников бесполезно – на этот раз они сами по себе. Я не могу дать им приказ о наступлении, так как все капитаны «свободных сынов» отказались продлить договор с Эрелингами. Даже если они вступят в бой, это не решит исход битвы. Сантар и Бенна, конечно, на подходе, но

одному Богу известно, сможем ли мы продержаться до их прихода и какие чудовищные потери понесем при этом. А если кто-нибудь побежит, то будет все равно: успеют герцоги или нет.

Рэссимонд подлетел к ним и с отчаяньем крикнул брату:

– Артори, мы должны спасти Эрвика! Это наш долг! Если мы сейчас же не бросимся ему на помощь, можно считать, что род Эрелингов опозорен!

Первый маршал угрюмо посмотрел на младшего принца и резко бросил:

– То, что вы предлагаете, ваше высочество, настоящее безумие, и ничто иное!

Принц покраснел, на его глазах навернулись слезы злости, и он с яростью выпалил:

– Если помните, барон, там наш брат!

Форльдок грустно улыбнулся и устало произнес:

– В свою очередь осмелюсь напомнить вам, ваше высочество, что сейчас рядом с королем мой старший сын.

Герцог Артехейский хотел было ответить, но герцог Милертский поднял руку и сказал:

– Успокойтесь, Рэссимонд. Барон Форльдок в чем-то прав. Есть ли вести от Эверкера, граф?

Ноарион Вользуанский покачал головой и неторопливо проговорил:

– Увы, я не получал пока никаких донесений из Сьера... Что же до сложившейся ситуации, я не отрицаю, что можно спасти и его величество, и господина Форльдока, но этим мы погубим армию и вместе с ней Мезеркиль. Как королевский советник, я предлагаю отступить, занять новую позицию и дожидаться подкрепления от Сантара и Бенна, к тому же должны подойти союзные войска Неверинга.

Маршал зло усмехнулся.

– Неверинг должен был выслать нам подкрепление еще два месяца назад, – сказал он. – А до сих пор мы воюем только своими силами. Странные союзники, советник. Насколько помню, вы вели переговоры.

Ноарион не обратил внимания на укол и выжидающе посмотрел на герцога Милертского. Тот со вздохом произнес:

– Полагаю, что о последствиях пленения моего брата никто сейчас думать не хочет?

Королевский советник уверенно ответил:

– Ваше высочество, вам лучше, чем кому-либо, известно, что государь не допустит своего плена. Но... Но даже если это произойдет, у Мезеркиля останутся регент и армия.

Принц едва кивнул.

– Значит, приходится выбирать: спасти короля или королевство, – тихо проговорил он.

– Сейчас решение за вами, ваше высочество.

Артори взглянул на фигурку старшего брата, размахивающую руками и стремящуюся избавиться от напавших со всех сторон рользатцев. «Обречен», – подумал принц и повернулся к остальным сановникам, расположившимся чуть поодаль, задержав вопросительный взгляд на графе Вользуанском. Тот лишь печально покачал головой. Принц вздохнул, понимая, – дальше тянуть бесполезно. Было ли отступление предательством брата? В глубине души он знал, что – да. Но им с детства внушали, что они обязаны быть выше всего человеческого, они – правители Мезеркиля. Ради спасения королевства должно пожертвовать родной кровью, раз того требуют обстоятельства. Иначе это будет предательством короны. Впервые он почувствовал острую зависть к Рэссимонду. Тот, не раздумывая, пошел бы на поводу чувств и дал бы приказ идти в атаку. Он же был старше, немногим старше... может быть, несколько умнее... Их дед и отец потратили столько сил, чтобы в армии установилась железная дисциплина, чтобы рыцари не бросались сломя голову в самую гущу схватки, руководствуясь лишь собственным азартом и жадой крови, чтобы эти благородные идиоты умели сдерживать свой пыл и подчиняться приказам. И один ненужный порыв, один проступок разрушил все, что создавалось годами. Была собрана мощная армия, Рользат был отброшен к границе, и здесь, едва ли не под

стенами Сьера, они должны потерпеть поражение или перейти в оскорбительное отступление по вине самого короля, рискнувшего одним из первых броситься в бой, и преступного опоздания родичей. Что ж, на все воля Господа. Было жалко упущенной победы, было неприятно брать на себя решение об отступлении и не хотелось смотреть на пылающего негодованием Рэссимонда, орущего о рыцарских доблести и чести.

Граф Вользуанский внимательно всматривался в гвернский фланг. Ему хотелось увидеть еще раз знакомую тонкую фигурку, которую он тайком от других и от самого себя выискивал среди солдат, начиная с отбытия из Артехея. Увидеть еще раз, пока не началось паническое бегство. Впрочем, он слышал, что «свободные сыны Гверна» не бегут, по крайней мере, никто не замечал гвернца, удирающего с поля боя. Если мальчик еще жив... Вдруг он улыбнулся и сделал знак рукой герцогу Артехейскому.

– Ваше высочество, – сказал он, – помните того юношу в Артехее, который утверждал, будто в нем течет кровь Эртеров? Смотрите, кажется, мальчишка хочет уговорить гвернцев прийти на помощь нашему королю. Неужели... Что же он им сказал, если они с такой прытью побежали за ним в самое пекло?

Видя, как гвернские наемники бегут в бой, Рэссимонд завопил, что было мочи:

– Гвернцы! Сами! Без приказа пошли в бой, а я – тут! К черту вас, маршал! Морксар, Барса, Арисиль, Эльм... За мной, Артехей!

Артехейская тяжелая кавалерия, топча на своем пути пехоту, кинулась за своим принцем. Бледный Форльдок ошарашенно смотрел, как армия выходит из-под контроля. Он посмотрел на столь же бледного герцога Милертского и проговорил:

– Ваше высочество, вы понимаете, что можете лишиться еще одного брата? Их нужно остановить.

Принц снял шлем и тихо произнес:

– Как?... Граф, хотя бы вы сдержите своих людей и не смейте выходить из повиновения! Последняя надежда на то, что Сьер и Эверкер нас не подведут.

Вользуан, который немногим ранее ратовал за разумное отступление, вдруг почувствовал необычайный подъем и азарт. Он сдержанно поклонился и с улыбкой произнес:

– Ваше высочество, я повинуюсь своему королю. К тому же, не думаю, чтобы мои ребята были хуже гвернских наемников или артехейцев.

С принца слетело мнимое хладнокровие, он развернул коня и проревел:

– Я приказываю не двигаться с места! Пока король в окружении, вы повинуетесь мне. Стоять до моего приказа!

Граф перестал улыбаться и склонил голову. Позади нетерпеливо ржали кони вользуанских рыцарей. Герцог Милертский снова повернулся к битве, пытаясь вернуть себе спокойствие. В двадцать лет сложно вызывать уважение; любовь – да, восхищение – безусловно, но почти невозможно заставить сановников, еще помнящих короля-отца, признать авторитет вчерашнего мальчишки, второго сына. Он ломал их, когда получалось. А получалось не всегда. Но всё впереди. Выждать хотя бы эту бойню, вероятно, проигранную, если только не...

К Ноариону на взмыленной лошади подсакал раскрасневшийся всадник и что-то быстро начал говорить на ухо, указывая в сторону Сьера. Постепенно на лице графа появилась улыбка и даже заиграли какие-то краски. Он похлопал всадника по плечу и громко сказал:

– Повтори все то же самое его высочеству.

Всадник – румяный, здоровый юноша, – задыхаясь, быстро выпалил:

– Только что я получил вести от лазутчика из Сьера. Видимо, рользатцы сошли с ума. Город пустой, остался один гарнизон. Все рользатские войска здесь. Эверкер откроет нам северные ворота... И Бенна! Герцог Ишар на подходе!

Герцог Милертский не удержался, вспыхнув широкой улыбкой. То облегчение, которое он наконец-то испытал, граничило едва ли не с наслаждением. Обращаясь к королевскому советнику, Артори произнес:

– Вы хотели показать свою доблесть, Вользуан, – произнес он. – Так идите. Сьер открыт. На этот раз для вас.

Принц снова отыскал взглядом старшего брата. Да, Эртер и его гвернцы сделали невозможное, и Рэссимонд не подвел, успел. В глубине души промелькнуло легкое сожаление, настолько легкое, что можно было не придавать ему значения.

В тот день солнце удачи встало на стороне Мезеркиля. Войска, занявшие Сьер, наблюдали, как рользатцев сминает подошедшая армия герцога Бенна, как где-то вдалеке штандарты Сантара добавили лазури небесам. А потом... потом, как водится, вешали остатки рользатского гарнизона, рубили головы изменникам-мезеркильцам. С благородным шлейфом победы в город вошли мародерство, насилие и убийства, которые не могли остановить ни капитаны, ни маршалы. Король грозился смертью каждому, кто будет замечен в подобных преступлениях, однако это не возымело никакого воздействия. Когда же к разгулявшейся солдатне присоединились герцог Артехейский и Гьют Форльдок, первый маршал, уведомив государя, начал вешать мародеров и насильников на стенах Сьера.

Гвернские наемники расположились в южной части города, где процветала проституция и находились таверны крайне сомнительного характера, больше напоминающие дешевые публичные дома. Седоус жестко поддерживал дисциплину среди своих людей, коих после битвы за Сьер осталось меньше половины. Кого-то, несмотря на боевые потери, он просто-напросто зарезал. Относительный порядок в гвернских войсках сохранялся также из-за Лертэно, переставшего выводить солдат на «увеселительные» прогулки.

Как-то сразу «свободные сыны» признали последнего Эртера своим вожаком и беспрекословно начали ему подчиняться, чего с ними не бывало добрых сто лет. В силу своего возраста и опьянения славой юноша вообще не понимал, почему он должен в чем-то ограничивать людей, бросившихся за ним без раздумий на смерть. Поэтому он поначалу защищал незаслуженно обиженных Седоусом солдат. Однако старый вояка, оставшись с Эртером наедине, надавал ему таких оплеух, что у потомка «кальярдских королей» пошла носом кровь. Эта наука пошла на пользу, и Лертэно пересмотрел свои взгляды на военную дисциплину.

В тех же самых кабаках, где веселились южане-наемники, пропадали днями и ночами светловолосые Рэссимонд Артехейский и Гьют Форльдок. За ними, вырвавшими победу у смерти, неотступно следовали слуги, обязанные присматривать и защищать молодых господ. Впрочем, бедолагам это с трудом удавалось, так как солдаты их быстро напаивали и оставляли спать прямо на лавках.

Принц уже мало напоминал того изысканного молодого человека, которого Лертэно впервые увидел в Артехее. По окончании битвы за Сьер младшего брата короля, едва живого, вытащили из-под груды трупов. Его левая часть лица была рассечена ударом кинжала от скулы до подбородка. Кое-как рану промыли и зашили, оставив красоваться кривой багровый шрам, залатанный грубыми нитками. Оторвавшись от боли, дорвавшись до винных погребов, принц с задором принялся вместе с солдатней грабить город.

Гьют, получивший на поле боя пару царапин, наплевав на запреты родителя, не отставал от лучшего друга ни на шаг. Старший сын маршала, надежда и гордость Форльдоков, предавался все тем же нехитрым развлечениям, что были в чести у простых вояк. В компанию к молодым аристократам затесался и Лертэно, которого Рэссимонд и Гьют почитали за спасителя королевства и называли братом. Столь громкие фразы они закрепили кровью, невероятно польстив самолюбию последнего Эртера. У неразлучной с тех пор тройцы вид был откровенно дикий. И можно представить, какой ужас испытывали горожане, когда эти юноши, возглавля-

ющие хмельную ораву солдат, с улюлюканьем проносились по улицам в заляпанной вином и кровью одежде, размахивая мечами и факелами.

В один из редких тихих вечеров (первый маршал наконец-то начал вешать, а Лертэно оценил оплеухи своего наставника) Гьют и Седоус играли в кости. Эртер, теребя сапфировую серьгу в левом ухе, заворуженно наблюдал за маленькими кубиками, взлетающими над столом. Рэссимонд, облокотившись о плечо кровного брата, без конца проводил пальцами по шраму, иногда стараясь скоскырнуть запекшуюся кровь, будто от этого рубец мог исчезнуть. Конечно, подобные увечья были делом обычным, повезло еще, что глаз цел, но все равно при взгляде на свое отражение принцу становилось не по себе и очень хотелось отыскать хоть одного живого рользатца.

Форльдоку никак не везло. В попытке отыгаться он снова бросил кости и сказал:

– Слушай, Седоус, а ты никак из благородного рода.

Наемник удивленно поднял на него глаза и спросил:

– С чего вы взяли, молодой господин?

– Стал бы я с тобой знаться, если в тебе не было б хоть капли благородной крови.

Принц и Лертэно рассмеялись, а Седоус только покачал головой. Теперь была его очередь бросать кости, и он опять выиграл. Почесав затылок, старый солдат с улыбкой посмотрел, как разочарование разливается по румянному лицу маршальского сына. Похлопав юношу по плечу, Седоус сказал:

– Мой отец был третьим сыном. Когда умер его старший брат, он мог бы возглавить епархию, однако почему-то решил, что духовный сан ему не к лицу, и женился на моей матери, чем несказанно разгневал деда... Да, не везло ему в жизни. Не мог усидеть на одном месте, много слез пролила моя матушка, а что она могла поделывать? Как-то привыкла, и потому, когда в канун Рождества отец сгинул, она не очень-то убивалась. Все хотела, чтобы я другим был, да не вышло.

Эртер с участием спросил:

– Давно матушка померла?

Седоус махнул рукой:

– Да жива еще. Стара совсем стала, почти не соображает, а иногда такими глазами глянет, что оторопь берет. Видно, все чувствует материнское сердце.

Лертэно стало грустно, он сделал большой глоток из кружки, пообещав себе непременно вернуться в Артехей, как только в Сьере все закончится. Рэссимонд заметил перемену в его настроении и успокаивающе положил руку на плечо. Гьют с остервенением потряс кости и бросил их на стол. Увидев, что опять выпало самое маленькое число, он поскреб щетину на подбородке и чертыхнулся.

– Заговоренные, что ли?! – воскликнул он. – Кстати, Рэс, а ведь по всему нас должны в рыцари посвящать. Как-никак, а мы герои Сьера. Вряд ли наш возраст будет помехой.

Принц согласно кивнул и произнес:

– Конечно, должны, всех троих. А Лертэно в первую очередь. То, что нам нет еще двадцати, – неважно. Моего деда посвятили в рыцари, когда ему было шестнадцать.

Гьют снял с пальца перстень и положил его перед Седоусом. Солдат повертел кольцо перед глазами и протянул Форльдоку.

– Нет, молодой господин, – проговорил он, – не возьму. Вы как-нибудь потом долг отдадите. Ведь на этом перстеньке герб вашей матушки, не так ли? Наденьте его поскорее и никогда не снимайте.

Молодой человек ухмыльнулся и надел кольцо на палец.

– Хороший ты человек, Седоус, – сказал он, – не приходилось мне таких, как ты, встречать.

– Хороший... – Лертэно показалось, будто тень пробежала по лицу наемника. – Мало вы еще на свете живете, молодой господин. Придется вам с мое пожить, так вы разных людей повстречаете. Может быть, всему человеческому удивляться перестанете. Вот сколько я всего видел, сколько воевал. Таких ребят, как вы трое, через меня много прошло. Такие зеленые самыми первыми погибают. А вас Господь-то сохранил. Видать, для чего-то вы нужны Ему, что-то иное вам уготовано.

Гьют рассмеялся и весело произнес:

– Лертэно, видно, уготовано стать великим герцогом Гвернским, а его высочеству – королем Мезеркиля. А уж кем я буду – даже и не знаю. Может быть, вы, ваше высочество, став королем, сделаете меня главнокомандующим мезеркильской армии?

– Я бы предпочел остаться принцем, – с улыбкой возразил Рэссимонд, – все-таки условия, по которым я взойду на престол, будут слишком горьки для меня.

Форльдок хотел было крикнуть, чтобы принесли еще вина, однако в этот момент дверь распахнулась, все разговоры разом прекратились, и воцарилась настороженная тишина. В таверну вошел эшевен³ короля в окружении гвардейцев. Гвернские наемники впились в эрелингский герб взглядами, полными старой ненависти. Эшевен невозмутимо обвел взглядом всех собравшихся и громко произнес:

– Кто здесь Лертэно, называющий себя Эртером?

Ответом было опасное молчание. Лертэно огляделся. Он видел, как напряглись гвернцы, готовые броситься на его защиту. Юноша медленно поднялся. Вместе с ним встал и герцог Артехейский.

– Это я, – сказал Лертэно.

Эшевен отвесил легкий поклон и проговорил:

– Его величество желает вас видеть. Мне поручено немедленно проводить вас к нему... Ваше высочество, – обратился он к Рэссимонду, – государь также изъявил желание, чтобы вы присоединились к нему на вечерней трапезе.

* * *

Эрвик V, прозванный впоследствии Мучеником, полулежал на широкой кровати под наспех сооруженным балдахином с гербом Эрелингов. Красный бархат полотна, расшитый золотыми солнцами, как рама, обрамлял фигуру его величества. Молодой король был необычайно хорош собой. Натренированное, пропорциональное тело, медовые волосы, волнами ложившиеся на плечи, совершенное лицо – чем не запретный языческий божок? Правда, красивая королевская физиономия казалась неподвижной маской, а любая мимика делала ее неприятной, почти отталкивающей, так как была совершенно неестественной для этих выверенных черт.

Словно в дополнение к живописной картине, у ложа его величества, скрючившись в неудобных позах на низеньких стульчиках, сидели граф Вользуанский и барон Форльдок.

Герцог Артехейский старался не встречаться глазами со старшим братом, сверля взглядом то потолок, то золотые солнца. Он знал, что Эрвик с отвратительной брезгливой миной его рассматривает, и очень жалел, что придется так стоять, пока царственный родич не разрешит удалиться. «Лишь бы не начались великие примеры», – подумал младший принц, заметив густую паутину на одном из кессонов потолка.

Рядом с Рэссимондом переминался с ноги на ногу Лертэно Эртер, не зная, куда деть руки и на кого смотреть. На короля – боязно, на сурового маршала – смешно, на графа Вользуанского – отчего-то неловко.

³ Эшевен – административная и судебная должность в Средние века.

Эрвик раздраженно вздохнул и приказал герцогу Артехейскому удалиться. Обратившись к Эртеру, король задержался взглядом на подобрityх висках и сапфировой серьге. Губы его на мгновение сжались, он небрежно откинул прядь со лба и заговорил:

– Мне стало известно, что вы если и не спасли мне жизнь, то уж точно уберегли от позорного плена, подняв гвернские войска. Я также знаю, кем вас считают солдаты. Граф говорил, что вы можете доказать свое происхождение, не так ли?

Лертэно, оторопев, молчал. Первый маршал раздраженно прикрикнул:

– Отвечайте!

Юноша покраснел и с запинкой произнес:

– Да, ваше величество, я могу это доказать. Часть бумаг я всегда ношу с собой, остальные остались в замке, но их будет труднее показать вам.

– Почему?

Эртер покраснел еще больше.

– Дело в том, что еще мой отец заложил замок банкиру Гультоку. Потом мой старший брат перезаложил Тельсфор тому же Гультоку, когда мы отправлялись на войну.

– Где ваш брат?

– У меня больше нет братьев.

Эрвик задумался.

– Я обязан вам, Лертэно. Ваш благородный поступок спас не короля, а Мезеркиль. Любая награда была бы смешна, так как невозможно переоценить то, что вы для нас сделали. Я думал, чем отблагодарить. Барон предлагал посвятить вас в рыцари, несмотря на ваш юный возраст. Что ж, я посвящу вас в рыцари. Граф предложил помочь в вашем бедственном положении. Я выкуплю Тельсфор у Гультока. Однако и этого было бы мало. Эртеры изначально являлись герцогами Гверна. Я верну вам титул и земли, предоставлю войска, чтобы вы наверняка добились победы над своими баронами.

От слов короля перехватило дух, и слезы брызнули из глаз Лертэно. Не зная, как полагается благодарить государей, он неуклюже поклонился и начал бормотать слова о том, как он будет предан, как обязан. Эрвик жестом прервал бессвязный поток его речи, дав понять, что аудиенция закончена и юноша может идти.

Когда за Эртером закрылась дверь, первый маршал повернулся к королю и спросил:

– Так это тот, кого мы хотели видеть владельцем Гверна, ваше величество? Вам представляется такое разумным? Я скорее соглашусь с его высочеством герцогом Милертским, что мы собственными руками создаем чудовище.

Эрвик пожал плечами и ответил:

– Он лучшая кандидатура. К тому же его уже признали дома Варлисов, Тейльсефов, Ларготов... и Туларо. Соппротивление других мы сломим. Против недовольных у нас теперь есть гвернские наемники, с которыми в одиночку можно привести герцогство к повиновению. Эти «свободные сыны» не просто признали в нем Эртера, они признали его своим. Вы знаете, барон, что означает сапфировая серьга? За двести лет существования их братства лишь один человек имел право на сапфир. Слава богу, он вовремя погиб в Лакрассарской империи, иначе неизвестно, какую смуту он поднял бы в Мезеркиле. Лертэно Эртер даже не первый маршал, как вы. Берите выше. Этому мальчику обязаны подчиняться все гвернские наемники, где бы они ни находились, по первому его зову они оставят своего нанимателя и направят свое оружие против того, на кого он укажет. Ради него они пожертвуют всем, отрекутся ото всех клятв, от самого Господа Бога. Если он возомнит себя господином Гверна, его солдаты превратят герцогство в пепелище, но возложат на его голову «венец леопарда». И чтобы этого не произошло, мы сами наденем на него герцогскую корону.

– Это то, чего боялся ваш брат. Слишком опасная игра. Варлис был бы лучшим герцогом, безо всяких «свободных сынов» и сапфиров... Но не кажется ли вам, ваше величество, что для Мезеркиля выгоднее иметь раздробленный Гверн?

– Мой вечно сомневающийся брат! Варлис только и думает, как бы захватить весь Гверн и сделать его независимым от короны. Я не знаю, чего стоило Вользуану убедить его признать мальчишку. А что до раздробленности... Подумайте сами, барон. Как только Мезеркиль вступит на гвернские земли, недавние враги объединятся против нас. Сколько времени, по-вашему, мы будем приводить мятежников к повиновению? Если оставить все как есть, то однажды появится тот, кто сумеет объединить Гверн под своими знаменами без нашей помощи. Уж лучше я, а не наемники, сделаю Эртера герцогом. Мальчишка с подачи умного советника принесет нам присягу, будет послушным, лояльным, преданным. Разумеется, нужен человек, который будет неотлучно находиться при нем и постоянно направлять его мысли и действия в нужное русло. Вы, граф, – Эрвик чуть кивнул Ноариону, – человек молодой... Вам ведь двадцать два года?... Мальчик должен почувствовать к вам расположение и доверие. Вы сумеете, хотя бы в силу своего возраста, подружиться с ним. Я полагаю, вам удастся подвести герцога к нужным решениям.

Лицо Форльдока прорезала ухмылка.

– Если приставить графа к мальчишке, можно быть уверенным, что после смерти Эртера Гверн снова останется без господина, так как дети у герцога вряд ли появятся.

Тонкие губы Ноариона едва дрогнули. Он встал и церемонно поклонился королю:

– Ваше величество всегда может на меня положиться.

Когда Лертэно вернулся в таверну, за столами осталось немного народу. Кто-то довольно бодрым голосом его поприветствовал и осушил стакан. Гьют спал за столом, положив голову на руки. Седоус сидел напротив Форльдока и при свете лучины читал книгу в некогда драгоценном переплете, водя корявым пальцем по странице. Лертэно опустился рядом на скамью и быстро пробежал глазами несколько строк.

– Не знал, что ты умеешь читать.

Обветренные щеки наемника окрасились легким румянцем.

– Валялся как-то с ранением в монастыре Св. Клерона в Сантаре. Было дело. Кто-то крепко обидел Лавура, вот я и понадобился. Знатная была драка, хорошо рубились, только мне немного не повезло. Выхаживал меня один монах. Он-то и выучил по доброте грамоте за просто так. Я поначалу отказывался – ни к чему мне это. Да что еще делать, коли в четырех стенах целыми днями лежишь и встать не можешь? Жаль, не смог отблагодарить потом святого брата... Хорошая книга, стоящая. Про страны разные, о которых я и не слыхивал никогда, о зверях чудных, об обычаях. Вот дочитаю – вам дам, молодой господин. Не обессудьте, сейчас никак не могу.

Юноша потрогал переплет и спросил:

– Откуда такая?

– Так на второй день, как Сьер взяли, ребята поживились у какого-то богача. Камни-то уже повыворачивали, золотые пластинки отодрали, в очаг засунуть хотели, да я отобрал. Подумал, вам забава будет, вы ж грамотный. Открыл страницу наугад, а там корабли, города диковинные, люди разные. Дай, думаю, почитаю, не зря ж тот монах душу в меня вкладывал.

Лертэно залпом выпил стакан вина, стоявший перед Седоусом. Наемник, насупясь, всмотрелся в лицо юноши, на котором читалось разнообразие чувств: растерянность, радость, недоумение, восторг... а с губ не сходила глупая улыбка. Солдат крякнул и сказал:

– Что случилось? Тех двоих, что с вами пошли, к королю-то не пустили, даже за порог евонного дворца. Ну, наши ребята уже хотели идти к замку и требовать, чтобы вас выдали. Больше всех, конечно, орал Форльдок, он-то и подбивал на это.

Эртер облизал сухие губы и быстро заговорил:

– Седоус, ты говорил мне, что в раздробленности Гверна нет ничего хорошего. А еще ты как-то сказал, что нашей земле нужен настоящий государь из Эртеров.

Солдат повертел в руках пустой стакан.

– Ближе к делу, молодой господин, не мнитесь, как девица.

Юноша вдохнул побольше воздуха и выпалил:

– Ты пойдешь со мною на Гверн? Сам знаешь, без тебя я мало что смогу, хоть король и посылает войска.

Солдат задумчиво прищурил глаза и обвел взглядом своих людей.

– Значит, случилось-таки... Что же они хотят от вас получить за поддержку?

– Ничего. Король хочет таким образом отблагодарить меня за свое спасение.

Седоус рассмеялся и, потрепав Эртера за плечо, покачал головой.

– Какое благородство... Знайте, молодой господин, я пойду с вами, и ребята наши пойдут. Уж в этом могли бы не сомневаться... А как теперь вас величать? Ваша светлость или ваше высочество?

– Для тебя навсегда останусь Лертэно... Скажи, Седоус... А почему Дерк больше не с нами?

– Время пришло...

– Время снять сердоликовую серьгу, оставить тысячу своих людей и пойти к маршалу Форльдону обучать младшего барчука?! Ты сам-то веришь?

– Чужая душа – потемки, молодой господин.

Лертэно попытался заглянуть в глаза наемника. Ему мнилось, что Седоус знает правду, но отчего-то скрывает.

– Я видел Дерка у нынешней королевской резиденции, когда шел обратно, – тихо сказал юноша. – С ним был человек, которого он называл Сармом. И мне удалось расслышать его слова: «Я не знал, а теперь нет мочи в этом участвовать». О чем он говорил, Седоус?

– Не знаю, молодой господин, видит Бог, не знаю. А вы, для собственного спокойствия, не трогайте чужих тайн, которые не имеют к вам никакого отношения.

* * *

Осада длилась месяц. Армия герцога Гвернского расположилась лагерем вокруг города. К столице «кальярдских королей» Лертэно стянул силы со всего покоренного Гверна. Дело оставалось за малым, приказ о штурме мог решить судьбу города. Однако Лертэно медлил. Каждое утро он выходил из шатра и подолгу смотрел на ворота города, будто пытаясь силой своего взгляда открыть дорогу в сердце Гверна. Ноарион Вользуанский пытался настоять на решительных действиях.

– Герцог, давно пора отдавать приказ, – обманчиво мягким голосом увещевал граф. – Солдаты начинают изводиться от бездействия. Кальярд может держаться месяцами, и все это время нам придется платить. Кое-кто уже поговаривает, что положенный срок на службе у его величества подходит к концу, а если уйдет один, то за ним потянутся и другие.

– Мне все равно, сколько времени займет осада, – Лертэно раздражался и упрямо стоял на своем. – Я не трону ни одного камня Кальярда. Они сами вынесут мне ключи. Кто хочет уйти – пусть убирается, мои гвернцы будут стоять до конца... Граф, вы же понимаете, если я дам приказ о штурме, город постигнет участь Арктера. Солдаты слишком долго стоят под его стенами.

Ноарион вздрогнул, вспомнив, как шестнадцатилетний Лертэно разрушил Арктер, принадлежащий графам Буссам, и вырезал почти всех его жителей, после того как Седоус погиб в последней битве, сраженный стрелой защитника города.

Эх, Седоус-Седоус, кто бы сравнился с ним в бою? Любого одолевал старый вояка, а от стрелы не увернулся. Прямо в лоб – и нет человека. Ох и взвыл же тогда юный герцог, о братьях так не горевал. Три положенных дня пил Арктер собственную кровь, а потом и некому было – всех вырезали «свободные сыны». И ничего ведь от Седоуса не осталось, только пепел сожженного Арктера, двуручный меч да книга о неведомых странах, которую солдату так и не довелось дочитать. Мать у него вроде жива. А где она живет, Лертэно не знал, ни разу не спросил, пока товарищ был жив...

Ключи от Кальярда прево и епископ все же вынесли после обещания не отдавать город на трехдневное разграбление.

Первыми вошли гвернские солдаты, лично преданные герцогу, следом за ними ехали эшеваны на лошадях, покрытых попонами с эртеровским гербом. В середине процессии, окруженный охраной, в Кальярд въезжал Лертэно Эртер, подбоченясь, гордо вздернув подбородок, как и полагается победителю. Со всех сторон на герцога сыпались цветы и раздавались радостные выкрики, будто и не было тридцатидневной осады, угрозы штурма и разграбления, а горожане с нетерпением ждали – когда же его светлость осчастливит столицу Гверна своим приездом.

Лертэно невольно улыбнулся, радуясь такому теплomu приему, наивно полагая, что кальярдцы совершенно искренны в проявлении своих чувств.

На кафедральной площади юноша спешил и вошел в собор Архангелов. В прохладном храме, в многоцветье витражей он переходил от одного надгробия к другому, проводя пальцами по шершавому старому камню, и всматривался в высеченные лица своих предков, создававших когда-то королевство. Альранд Проклятый, на котором все закончилось. Мраморная рука, крепко сжимающая меч. Изогнутая складка рта под длинными усами, поднятые веки, гладкая выпуклая глазница без зрачка. Чуть желтоватый камень, прыгающие по нему разноцветные огоньки от ярких стекол. Нет, не было у Лертэно никаких нужных мыслей в этот момент. Только в глазах расцветала огромная роза на западной стене храма, и красота проникала во все уголки сознания, заполняя сердце.

Все последующие события этого дня растворялись в мареве хвалебных речей, рукоплесканий, новых имен и вина. После пира, устроенного в ратуше, захмелевший герцог затащил в покои девушку, имя которой позабыл спросить. За столом она покусывала губки и смущенно улыбалась. Лертэно украдкой бросал на нее страстные взоры. Украдкой – чтобы не заметил граф Вользуанский (ах, эта постоянная неловкость в присутствии Ноариона!). На пятом стакане вина с его лица уже не сползала пьяная ухмылка, и он принялся с усердием подмигивать красавице, отчего та обнажала жемчужные зубки и сверкала смородинными глазами.

Теперь же красавица смеялась и не давала поцеловать себя в губы. Лертэно удалось сорвать с нее поясok. В глубоком вырезе верхнего платья он заметил, что нижнее – полупрозрачное, и сквозь него просвечивает белая крепкая грудь. Потрясенный увиденным, юноша прижался носом к ее шее, вдохнув мощный аромат розовой воды, исходивший от бархатистой кожи. Девушка начала расплетать косы, и герцог уже предвкушал блаженство, как вдруг дверь в спальню распахнулась и на пороге появился граф Вользуанский в сопровождении своего оруженосца. Лертэно оторопел и попытался возмутиться. Ноарион, видя его замешательство, улыбнулся одними кончиками губ и произнес:

– Прекрасная госпожа Верль, полагаю, вас заждалась матушка.

Девушка сердито надула губы и вопрошающе взирала на герцога. Тот стоял разинув рот, явно собираясь с мыслями, однако правильные слова никак не желали приходить в голову. Ноарион кивнул оруженосцу. Молодой человек взял упирающуюся красавицу за руку и вывел из комнаты. Граф же сел на складное креслице и сказал:

– Вы слишком пьяны, чтобы давать отчет в своих поступках. Оттого-то мне пришлось позаботиться о вас. Эту девушку сейчас разыскивают разъяренные братья, которые вопят об

оскорблении невинности и, думаю, очень хотят видеть свою сестру герцогиней Гвернской. А она нам не подходит, мой друг.

В дверь отчаянно заколотили. Ноарион многозначительно поднял указательный палец. Лертэно ошарашенно уставился на дверь. В покои ворвались едва сдерживаемые охраной два молодца и замерли, глупо вытаращив глаза на Эртера и Вользуана. Следом за ними вошел оруженосец Ноариона.

– Ваша светлость, – со вздохом произнес он, – я им говорил, что здесь нет никакой женщины, но они и слушать не захотели. Что-то про свою сестру кричали. Перепились, видимо, и решили, что она у вас.

Братья переглянулись, забормотали и попятились к выходу, подталкиваемые стражей. Когда за ними закрылась дверь, Лертэно сел и растерянно посмотрел на графа.

– Я осмелился дать распоряжение, чтобы их не зарезали и дали к вам пройти... Вы жалеваете, что эта девушка ушла? – голос графа звучал, как всегда, мягко и вкрадчиво. – Пустое! Вам найдут невесту получше, ту, которая сможет увеличить ваше состояние. А если вы сейчас хотите женщину, вам приведут любую, на которой не нужно будет впоследствии жениться... Но... Неужели вас так волнует их любовь? Я бы на вашем месте не доверял женщинам, Лертэно. Они лживые, грязные, коварные и продажные существа. Они могут вас погубить, обольщая своими прелестями, обещая ласки, любовь, верность. Но у них нет души, поэтому эти твари выпьют вашу, оставив лишь страдание и горечь несбывшихся надежд.

Юному Эртеру приходилось водиться только с проститутками, следующими за наемниками. Остальное общение со слабым полом сводилось к насилию над женщинами окрестных сел и городов. Те пахли резким потом, визжали, сопротивлялись или покорно отдавались, глотая слезы. Все они были некрасивыми, даже уродливыми от страха и ненависти. Поэтому слова Ноариона неожиданно подтверждали его неверные догадки о женской природе.

Вользуан, будто что-то увидев в глазах юноши, нежно дотронулся до его щеки, потом до губ. Лертэно попробовал отстраниться, но граф не дал, схватив за плечи.

– Я знаю, ты не хочешь меня. Но возьми мою дружбу, мою преданность. Никто и никогда не будет любить тебя, как я. Ни одна женщина не даст того, что я могу дать.

Ноарион прижался губами к его волосам и зашептал:

– С того первого мгновенья, с одного случайного взгляда я понял, что никогда не отпущу тебя.

Наутро герцог проснулся с лучами солнца под мерные удары колокола, возвещавшего о начале нового дня. Комната подернулась золотисто-розовой дымкой. Лертэно закутался в покрывало и вышел на балкон. Постель, стыдливо укрытая балдахин, еще хранила тепло двух тел. Заря золотила крыши домов, где-то небо было еще окрашено лиловым, но лазурь с настойчивой нежностью заливала небосклон. Утренний ветерок обласкал лицо юноши. Тяжелое пурпурное одеяло соскользнуло вниз, он распахнул руки навстречу солнцу и полной грудью вдохнул запах пробуждающегося города.

* * *

Ноарион Вользуанский покидал Тельсфор. Кто-то умер из его многочисленных родственников, кто-то очень старый и настолько уважаемый, что графа срочно вызвали на похороны. По большому счету плевать было ему на этого почтенного старца, большую часть родни он и в лицо-то не помнил, но его отказ, какой бы веской ни была причина, выглядел бы бесчестным и недостойным. Потому приходилось уезжать из Гверна, где он провел без малого год, на два месяца раньше положенного срока.

Слуги сновали туда-сюда, перетаскивая с места на место какие-то вещи. Раньше не слишком заметные, эти люди вдруг заполонили весь замок, каждый его уголок. Их постоянное мель-

тешение начинало раздражать. Приходили, уходили, уже не спрашивали – можно ли войти в графские покои. Паж с невообразимо глупым лицом прижимал к груди шкатулку с драгоценностями, оглядываясь по сторонам. Старый сгорбленный слуга – еще графского отца помнил юношей – разразился длинной речью, что не плохо бы сразу надеть траур. Звон металла, что-то уронили, ругань, поносившая всех подряд, даже Христа с его апостолами и всеми архангелами. Заглянул «свободный сын Гверна», обвел тяжелым взглядом комнату, удовлетворенно хмыкнул. Из-за двери высунулась голова тринадцатилетнего Туларо, единственного мужчины в роду после «той войны».

– Его светлость зовет вас, ваше сиятельство, во двор.

Граф неопределенно махнул рукой, Туларо тут же исчез. Ноарион откинулся на подушки. Старый слуга все еще рассуждал о правильности надевания-траура-прямо-сейчас. Паж-идиот заглядывал во все сундуки подряд, желая побыстрее запихнуть куда-нибудь шкатулку и побежать на свежий воздух, поглазеть, как наемники с герцогом рубиться будут.

Снаружи раздался радостный рев Лертэно. Лязг оружия. Не деревянными, значит, бьются. Вспомнил, как Эртер, глядя однажды в зеркало, посетовал, что не повезло ему – даже намек на участие в битвах нет. И верно, ни одной царапины на теле, хранил его Господь. А можно сказать – дьявольская везучесть. Что-то противоестественное. За окном победно раздавались любовные сонеты некоего венценосного поэта, декламируемые герцогом. Внешность свою не ценит, а красоваться любит. И варварскую роскошь, яркие цвета, обилие золота. Благо, Гверн на самом востоке, дальше море и Лакрассар, откуда везут удушающие благовония, смешанными ароматами которых пропахли даже стены Тельсфора; тяжелые парчовые ткани с золотыми монстрами – в них герцог старался укутать и суровых гвернских воинов; драгоценные, совершенно некрасивые, на взгляд Ноариона, безделушки, расставленные по всем комнатам.

За окном прозвучали совсем похабные стихи, видимо, что-то из собственных сочинений Лертэно.

Граф с ленцой ходил на ежедневные тренировки, которым герцог с упоением отдавался, подчас сознательно рискуя жизнью. И когда он ловко уклонялся от удара ошалевшего воина, раздавался залиvistый мальчишеский смех, такой жестокий по отношению к солдату, едва не совершившему непоправимое... и по отношению к Ноариону, чувствующему, как холодеют и сжимаются в комок внутренности и пульсирует кровь в висках.

Вошла служанка, принялась по-новому перекладывать платья в сундуках, привычно повела бедром, хоть и знала, что реакции от него не дождется. Смазливая. Выпятила пухлую нижнюю губу. Бровь взлетела, бросила быстрый взгляд – опять больше по привычке. Платье облегающее, чуть приподнятый подол, бедро полное, красивое. Волосы спрятаны под косынку, брюнетка, судя по завитку у щеки. Лертэно иногда на нее засматривался, думая, что он, Ноарион, не видит.

Вечер накануне отъезда проходил не так, как хотелось бы. Они сидели в спальне герцога и в основном молчали. Иногда произносились ничего не значащие фразы, и Лертэно старался изобразить улыбку. Ноарион кривил губы в ответ, чего-то ожидая. Никаких иллюзий о радостной встрече при армалонском дворе граф не питал. Три месяца для сердца Эртера – слишком долгий срок. Юный герцог уже начал тяготиться его обществом, раздражаться без повода и искать ссоры. «Любил бы я его, не будь он так красив? – думал Вользуан, глядя на бледное, не поддающееся загару лицо. – А если оспа? Или однажды он не успеет уйти от удара своего гвернца? Что тогда?»

Лертэно раскинулся в императорском кресле с крестообразными ножками в виде звериных лап и с мордами леопардов на подлокотниках. Перед ним стоял небольшой лакрассарский инкрустированный столик, куда сваливались книги и древние фолианты. На самом краешке примостился чеканный кубок, привезенный из страны оркалов. Герцог несколько раз

брал его в руки, проводя пальцем по поверхности, где разворачивалась битва между горбоносными людьми и грифонами, подносил к губам, но передумывал пить и ставил на место. Он встряхивал завитыми отросшими кудрями, нервно обводя взглядом свои покои. Лишь бы не встретиться глазами с Ноарионом.

Комната, выбранная Эртером для спальни, была настолько мала, что напихать в нее множество вещей, как он обычно делал, не представлялось возможным. Поэтому из мебели здесь находились только кровать с черным балдахином, вытканым золотом, два кресла с леопардами и два стола, один побольше, куда как раз сваливались книги, другой поменьше. Какую функцию исполнял второй столик в Лакрассаре, Ноарион даже не мог предположить, но в Тельсфоре Лертэно, любящий красивые вещи сами по себе, заставил всю инкрустированную поверхность флакончиками духов, фигурками слонов, украшенными драгоценными камнями, янтарными всадниками и просто лошадками. Над разноцветным великолепием возвышался триптих, собранный из пластин слоновой кости, с изображением Голгофы. Самого распятия в спальне не было, поскольку вешать его было некуда. Когда отец Ласэр, присланный королем Эрвиком для поддержания миссии графа Вользуанского, намекал на столь прискорбное отсутствие герцогу, тот гордым жестом указывал на триптих, доказывая тем самым, что он является добрым христианином.

Главной особенностью герцогской спальни были ее фрески, занимавшие всю поверхность стен, от потолка до пола. Ничего подобного Ноарион в своей жизни не видел. Когда Лертэно начал обустраиваться в замке, он сразу отказался от деревянной обивки и гобеленов. Был вызван неверингский мастер, которому была предъявлена миниатюра из любимой книги герцога о путешествиях. Живописец должен был сделать что-то похожее. Художник осторожно поинтересовался:

– А если вам не понравится, ваша светлость?

– Будешь переделывать до тех пор, пока меня не устроит.

Эртер утверждал, будто на стенах изображено шествие волхвов. И отцу Ласэру, и графу приходилось довольствоваться таким объяснением. Конечно же, волхвы! Среди слонов, верблюдов, павлиньих и страусиных перьев, чернокожих погонщиков и белых господ в немыслимых нарядах, на тонконогом вороном жеребце гордо восседал сам герцог Гвернский, причем и на южной, и на северной стене: один раз – в профиль, демонстрируя тонкий, с легкой горбинкой нос, второй – анфас, запечатлевая для потомков невообразимо красивое лицо.

Из всего разнообразия персонажей на южной стороне можно было найти даже Эрвика V, каким его запомнил Лертэно. Слава богу, что юному герцогу не пришло в голову где-нибудь поместить графа Вользуанского. Видеть себя среди этого безумия Ноариону совсем не хотелось. Зато рядом с Эртером была запечатлена кислая физиономия отца Ласэра. Священник сидел на понуре ослике, выпятив кругленький живот и многозначительно подняв пухлый пальчик. Когда Лертэно останавливал взгляд на изображении преподобного отца, его начинал разбирать смех и он разражался речами, которые вряд ли пришлись бы по вкусу Ласэру, но весьма понравились бы «свободным сынам».

Ноарион считал, что все неприятности, происходящие в замке, – от книг. В Тельсфоре их было много. Какие-то остались от «первых Эртеров», какие-то – от Гультака. Что-то Лертэно покупал сам у кальярдских и иноземных торговцев, приезжающих к нему в замок. В невообразимых количествах приобретались трактаты о растениях, животных, о военном деле. Появлялись древние свитки на непонятных языках, украшенные богомерзкими рисунками. Чтение рыцарских романов – занятие весьма достойное, по мнению Вользуана, – Лертэно почти не занимало. Вместо этого он отдавал предпочтение богословским трудам, будто что-то понимая в изысканиях святых отцов, и поэзии.

Да-да, с книг все и началось. Сначала герцог тыкал пальцем в слонов и верблюдов, решив паразитить Армалон именно этими зверями. Разыскали купца, который, посмотрев на Лертэно

как на умалишенного, сказал, что таких крупных животных привезти пока не может, но достать что-нибудь более маленькое и изящное ему под силу. Так появилась обезьяна. Граф раньше видел этих забавных зверушек, одна как-то жила у его матушки. То были смешные существа, радующие владельцев своими мелкими проказами. Эртеру же привезли большое, рыжее, поистине дьявольское создание, очень похожее на недоделанного человека. Герцог держал обезьяну в своей опочивальне, кормил с рук, радовался как ребенок, когда она выкидывала что-нибудь эдакое. Но радовался он один, поскольку от ее полночных воплей, раздававшихся по замку, у всех начинало неприятно екать сердце, и рука сама по себе тянулась совершить крестное знамение. К всеобщему облегчению, отвратительное животное вскоре издохло. Лертэно скорбно гладил ее холодные ладошки, шерстку, морщинки на жуткой морде. Ноарион, желая его утешить, произнес что-то прочувствованное. Эртер поднял голову и задумчиво сказал в ответ:

– Я хочу знать, что у нее внутри.

Срочно был вызван лекарь его светлости. Маленький деспот указал на тело обезьяны и приказал немедленно его вскрыть. Лекарь выпучил глаза, затряс бородкой, замахал руками. Наконец смог выдать, что вскрывать, дескать, – грех. Конечно, медики препарировали трупы, но исключительно по особому разрешению, а так – никак нельзя, к тому же подобное животное, явно созданное дьяволом. Лертэно внимательно выслушал его бормотание и заявил, что обезьяна очень похожа на человека, а значит, и на самого герцога. Следовательно, изучив ее внутреннее устройство, лекарь будет знать, как лучше лечить своего господина. Несчастный, обливаясь потом, все-таки нашел в себе силы для отказа, к тому же граф попытался его поддержать. Лертэно прищурился, нехорошо так прищурился, и предупредил, если лекарь не вскрыет животное и не узнает, почему оно умерло (спросил бы у графа, тот бы сразу сказал, что от обжорства), герцог прикажет вскрыть его самого. На этом воля медика была сломлена, так как его светлость слов на ветер не бросал.

Ноарион, осознавая последствия эртеровского любопытства, тут же бросился к отцу Ласэру и все рассказал. Глаза преподобного отца сначала взлетели на лоб, а потом вылезли из орбит. Он схватился за сердце и заявил, что жизнь при юном герцоге скоро сведет его в могилу. Граф настойчиво поторопил священника вмешаться, пока не произошло нечто ужасное. Тот согласно вздохнул и, подобрав полы рясы, с неожиданной прытью помчался в герцогские покои.

Ласэр, дав пинка дремавшему у входа Туларо, сам распахнул двери и остановился на пороге. Через его плечо Вользуан увидел, что обезьяну еще не успели препарировать. Медик только занес руку, чтобы сделать первый надрез.

– Эт-то что такое?! – воскликнул священник, грозно глядя на Лертэно.

Затем последовала гневная проповедь, в которой преподобный отец обвинил герцога в ереси, богохульстве, попрании всех законов: и Божеских, и человеческих. Тельсфор был обличен, как царство Сатаны, а Эртер – как приспешник нечистого. Лертэно угрюмо внимал словам Ласэра, бросая злобные взгляды на графа. Когда духовник остановился, чтобы перевести дух, герцог пообещал покаяться, выбросить останки обезьяны в нечистоты и больше никогда не заниматься подобными мерзостями.

Что мир? Когда в мгновенье
Заложен смысл моей любви.
Когда лишь миг и упоенье,
И только ты горишь в крови.

Лертэно самодовольно улыбнулся и сообщил:

– Это я сочинил. Может быть, и не так складно, как у Родо Неверингского, но очень красиво, правда?

Ноарион никогда в своей жизни не слышал ничего более отвратительного, однако согласно кивнул. Герцог, впрочем, ничуть ему не поверил.

– Ты старый ханжа и невежда, который ничего не смыслит в поэзии. Вы, мезеркильцы, все такие.

Граф вопросительно приподнял брови и спросил:

– А разве Гверн – не Мезеркиль?

Юноша прикусил нижнюю губу и принялся указательным пальцем гладить фигурку золотого слоника, украшенную жемчугом и изумрудами. Ноарион испугался, что Лертэно может отказаться присягнуть на верность Эрелингам, и тогда все его труды обратятся в прах, а о последствиях такого провала лучше не думать. Он торопливо бросил:

– Эрвик очень благочестив. Когда поедешь в Армалон, постарайся помнить об этом, и было бы неплохо, чтобы ты соответствовал двору. Насмешки, видишь ли...

Лертэно, залпом осушив кубок, прервал его:

– Мы варвары?

– Что?

– Я варвар?! Разве ты не считаешь меня таковым? Я же вижу, как ты и этот толстый дурень Ласэр морщите свои мезеркильские носы! «Когда поедешь в Армалон, делай так-то... вынь серьгу из уха...» Что во мне не так? У меня не белокурые волосы? Тебе не нравится, как я пахну? Или я говорю на непонятном тебе языке?.. Кто ты такой, чтобы говорить мне, принцу крови, что делать, а что нет?!

Ноарион почувствовал, как кровь приливает к лицу. Больше терпеть он не мог. Расшвыряв на столе книги, он выхватил одну, где на развернутых страницах были изображены человеческие внутренности. Он сунул фолиант под нос Гверну и закричал:

– Варвар! Да! Еще хуже! Как назвать человека, который копается в мертвых телах?! Принц крови... Кем ты был год назад? Сопливым грязным мальчишкой. Все, все, что ты имеешь, тебе дал наш король. Ты всем, гвернский щенок, обязан его величеству и Мезеркилю. Забыл уже, кто привел тебя в собор Архангелов?

Герцог вскочил и ударил графа по руке. Книга выпала, и юноша ногой отшвырнул ее в угол. В таком бешенстве Ноарион его еще не видел. Белое лицо стало пепельно-серым, а потом неожиданно пунцовым, губы превратились в узкую щелку. Эртер сбросил остальные книги на пол и начал выкрикивать такие слова, какие Вользуан не слышал даже от солдатни. В спальне возникли испуганные Туларо и стража.

– Вон! – заорал Лертэно и метнул драгоценного слоника, который ударился о стремительно закрывшуюся дверь. Почему-то после этого герцог успокоился. Он опустился рядом с графом и положил ему руки на колени.

– Ты так не прав, обвиняя меня в богохульстве. Я всего лишь хочу знать, почему могу любить или ненавидеть. Почему я могу слагать стихи, а мои руки могут держать меч. Знаешь, я ведь не сжег и не выбросил в нечистоты обезьяну, как мне сказал идиот Ласэр. Я видел, что у нее внутри... Потом смотрел, как разделявают свиную тушу, и понял, что внутреннее устройство у нас одинаковое... Когда месяц назад умер старый Артори, я приказал его вскрыть. Очень боялся, но не отступился от своего решения... Не смотри так осуждающе! Ведь в этом и есть жизнь. В сердце, в мозге, в жилах! Я не безбожник, но мне нужно знать, почему кто-то может создать собор Архангелов, а у кого-то не хватает смекалки срубить себе избушку. Почему...

– Это душа.

Вользуан погладил его щеку и притянул к себе для поцелуя.

– Ты не понимаешь! – Лертэно отстранился, снова становясь злым и чужим.

Ноарион поднял любимую книгу герцога, что досталась ему от Седоуса, и с улыбкой взглянул на изображение слона.

– Мне больше нравится верблюд. Говорят, на нем гораздо удобней ездить, – юноша перевернул страницу, указав на понравившегося зверя. – Только его неправильно нарисовали... Помнишь, мне привели купца из страны оркалов? Так он мне сказал, что верблюды не совсем такие... Я вот что решил – съезжу в Армалон, а потом отправлюсь в Лакрассарскую империю. Оттуда – в страну оркалов. А дальше... ведь есть что-то и за этими землями! Я слышал, будто существуют страны, где у людей рот и глаза – на животе. Кто-то видел народ с золотистой кожей и глазами-щелками... Или та же Виттерия – самое богатое королевство Севера, с самыми красивыми женщинами на земле. Неужели ты никогда не хотел все это увидеть собственными глазами?

Граф улыбнулся и вспомнил, о чем сам мечтал в юности.

– Нет, Лертэно, никогда.

На следующий день герцог Гвернский проводил Вользуана до собора Св. Альранда, стоявшего на перекрестке дорог. И долго смотрел вслед, словно желая удостовериться, что граф точно уехал и больше не вернется. Когда исчезло последнее облачко пыли, взлетавшее из-под копыт лошадей, юноша посмотрел на храм. За год жизни в Тельсфоре он ни разу не осмелился войти внутрь, хотя старался заглянуть через ограду.

Лертэно оставил слуг снаружи, в небольшом дворике, и вошел в собор. Увидев радостно всплеснувшего руками отца Альранда, он понял, что именно здесь его давно ждали.

– Что привело тебя, сын мой?

Герцог почувствовал, как предательски задрожал подбородок и вот-вот потекут слезы.

– Я хочу исповедоваться... у вас, святой отец. Я не был по-настоящему на исповеди больше года.

Юноша опустился на колени и принялся рассказывать все, что даже не считал нужным сообщать отцу Ласэру. Священник внимательно, не перебивая, слушал. По окончании исповеди, глядя в полные мольбы глаза Лертэно, он задумчиво покачал головой и тихо произнес:

– Господи, прости.

Эртер удивленно спросил:

– И всё?

– Чего же ты хочешь, сын мой? Я вижу твоё раскаяние искренне, то же видит и Господь.

Лертэно насутился и выпалил:

– Вы должны наложить на меня епитимью за содомский грех, как можно более тяжелую. Я должен полностью очиститься. Так, по крайней мере, мне сказал бы любой священник.

Отец Альранд изумленно спросил:

– Почему именно за этот грех?

– Как?! – в голосе юноши зазвенело негодование. – Это же недостойно «свободного сына Гверна»!

Священник сокрушенно развел руками.

– Пожалуй, за мужеложество не буду. Ибо твоё раскаяние искренне. А за другое – да.

– Это за что? – теперь настал черед изумляться герцогу.

– За Арктер. За всех невинноубиенных.

– Они убили Седоуса.

– И ты, сын мой, решил, как язычник, возвести ему жертвенный костер, куда бросил стариков, женщин и детей?! Решил отправить его на небо в огненной колеснице, багряной от крови младенцев?!

– Он был мне товарищем, он был мне отцом! За любого из тех, кто первым признал меня, кто ничего не побоялся и пошел за мной, ничего не прося взамен, я сделаю то же самое.

– Поэтому и будешь нести покаяние, пока не поймешь, что сотворил!

Лертэно вскочил и широкими шагами, взмахнув полами кафтана, прошел в центральный неф. Подняв голову, он посмотрел на серые своды храма и сказал:

– Буду перестраивать собор. Св. Альранд станет еще лучше, чем Архангелы в Кальярде.

– Зачем?

– Бог – есть красота. Люди это чувствуют. Они придут сюда, и некогда забытая усыпальница последних Эртеров вспыхнет розой веры. Вы ведь тоже этого хотите, не так ли?

– Ты говоришь красивые слова, сын мой. Но в твоей голове – полная мешанина всевозможных понятий.

Герцог обернулся к святому отцу и с мечтательной улыбкой ответил:

– О нет! Я точно знаю, что нужно делать. Это будет **мой** собор. Никто и никогда не упрекает меня в том, что я забыл о Боге и о своих предках. Только красотой можно возродить наше былое величие... И знаниями... У меня пока нет слов, чтобы объяснить это. Но я чувствую, мне нужно ехать, увидеть весь мир. Взглянуть на то, о чем слагают легенды. Понять в чем тайна мироздания, зачем есть народы, отличающиеся от нас. Проникнуть туда, куда до меня еще никто не отважился. И вы должны ехать со мной, быть рядом, чтобы нести свет Учения другим, не знающим о нем. А быть может, мы узнаем нечто, что сделает нас, да и весь мир прекраснее... Разве не в этом смысл жизни?

В наилучшем расположении духа герцог вернулся в замок. Насвистывая простенький мотив, он вприпрыжку побежал на кухню. Женщины, завидев его, сразу притихли и прекратили работу. Кроме одной, ради которой он и пришел. Она продолжала лениво перебирать зелень, не глядя в сторону Лертэно.

– Пошли все вон! – приказал Эртер. – Эй, черноглазая... останься.

Через три месяца герцог Гвернский прибыл в Армалон. Разумеется, ни в какие дальние страны он так и не отправился. Ни через год, ни через два. Никогда.

Глава 1

Шел 665 год от Милости Господни. Год, о котором потом долго говорили, вспоминая знамения и пророчества. Так же говорили и о лете 665-го, что выдалось на удивление холодным и мокрым. Беспреданно моросил дождь, временами превращаясь в ливень, который любители красивых словес сравнивали с водяной стеной, низвергающейся с небес на грешную землю. На проезжих дорогах стояла хлябь, и случалось, что лошадь с всадником проваливалась по брюхо в жидкую грязь. В пограничных баронских городках, переходящих из рук в руки, улицы превратились в каналы, где смачно хлюпала густая липкая жижа. Поля были затоплены вышедшими из берегов реками, и поговаривали о надвигающемся голоде. Такого не бывало даже весной, во время таяния снегов. Впрочем, при армалонском дворе, разумеется, далеко от пахот, этому обстоятельству не особо огорчались, поскольку в Рользате, в кафедральном соборе Мартолинса, вода поднялась аж на два человеческих роста! Жаль, в тот день проклятый Хэрдок Лис не отправился на обедню! Правда, некоторые члены Малого королевского совета даже если и сокрушались этому обстоятельству вместе со всеми, все же начали испытывать смутную тревогу о судьбах урожая и забеспокоились о запасах зерна.

Дожди прекратились так же внезапно, как и начались. И ко дню Св. Эрвика из-за двух солнечных недель наконец-то появилась возможность ездить по древним, мощеным дорогам, соединяющим старейшие графства Мезеркиля. Путешествия, правда, навевали тоску: кому захочется целыми днями видеть грязь да слушать унылый скрип колес, сдобренный совсем не бодрым цокотом копыт. Именно так думали послы его величества Эрвика V, в этом году прозванного Мучеником, когда ехали за невестой герцога Артехейского, шестнадцатилетней Анной Бенна, графиней Эсельдейм и Гравентьер.

Намеченное бракосочетание вызвало тайные нарекания двора. А как иначе, если невеста принадлежала роду Бенна. С одной стороны, ничего плохого в том не было, но одна Бенна уже восседала на престоле, и появление при дворе ее сестры указывало на неприятное для многих усиление партии королевы и ее дяди. Сантары ратовали за военный союз с Арзентией, где тоже были принцессы на выданье. Такой брак сулил ослабление Рользата, который традиционно объединялся с «Серебряным королевством»⁴ против Мезеркиля. К тому же герцог Сантарский, дядя короля, недолюбливал герцога Бенна, тот, в свою очередь, отвечал родственнику полной взаимностью. На некоторое время двор разбился на сторонников всевозможных брачных союзов, что привело к оскорблениям, ссорам, дуэлям. Что до простого народа, не понимавшего терзаний аристократов Армакера⁵, то ему, разоренному ливнями и потопами, оставалось только радоваться, что их любимец, герой Сьера, берет в жены не очередную иноземку.

За юной Бенной было отправлено пышное посольство: епископ Ланоранский, герцог Гвернский, граф Вользуанский и старый граф Лескуло, отец нынешнего хранителя королевской печати (читай: канцлера).

Епископ ехал отдельно от остальных послов в двухколесной повозке, запряженной белыми тонконогими лошадами, в окружении собственной гвардии, и лишь изредка приглашал разделить трапезу графа Лескуло. Вользуана и Гверна он недолюбливал и поэтому старался общаться с ними как можно реже, сохраняя, правда, неизменно вежливую улыбку.

Святой отец, будучи человеком сурового нрава, с горечью и гневом взирал на попрание Божеских и человеческих законов в королевстве, на что было богато теперешнее время. Некогда епископ настаивал на своей поездке в Гверн, вместо безмозглого Ласэра, о чем уме шутили даже прелаты. Что мог противопоставить недалекий духовник мощному тлетворному влия-

⁴ «Серебряное королевство» – второе название Арзентии.

⁵ Армакер – королевская резиденция в Армалоне, столице Мезеркиля.

нию графа Вользуанского, безусловно, талантливого государственного мужа, но погрязшего в безумии греха?! Что впитал юный герой Сьера рядом с таким человеком, не призванным на церковный суд лишь за отсутствием доносов, благодаря защите инквизиции и родственному покровительству Первосвященника Запада? С того момента, как епископ отправился в Бенна, ему всюду мерещились доказательства преступной связи между Лертэно Гвернским и Ноарионом Вользуанским.

Молодой герцог откровенно не нравился его преосвященству. Все началось с герцогской повозки, чей остов был покрыт черным златотканым полотном, с гербами дома Эртеров. Уже одно это вызвало возмущение епископа, ведь, по его мнению, посланник короля был обязан к своему родовому гербу присоединить герб сюзерена. Еще больше епископа возмутило то обстоятельство, что герцог никоим образом не отреагировал на его верное замечание, а только пожал плечами. Дальнейшее общение между святым отцом и принцем вызывало лишь взаимное раздражение, гнев – с одной стороны, и насмешки – с другой.

Епископ, к слову, не был одинок в своей неприязни к дерзкому Эртеру. Король, выслушав предложение Рэссимонда (отправить за Анной Бенна лучшего друга и кровного брата), с издевкой посоветовал за компанию послать и братьев Форльдок, чтобы будущая герцогиня Артехейская потеряла невинность по дороге в Армалон, на радость злопыхателям. Но принц Рэссимонд настаивал, проявлял необыкновенное красноречие о необходимости Лертэно в данном мероприятии, и Эрвик, видимо, в один из болезненных приступов, сдался, хотя и не забыл последней выходки Эртера.

Еще в самом начале пути было решено для более приятного времяпровождения ехать вместе, в одной повозке, и потому графы Вользуанский и Лескуло перебрались к герцогу Гвернскому, о чем тот неоднократно пожалел. Оказалось, что старый граф Лескуло почти выжил из ума. И если при дворе его многоумное молчание или редкие тяжеловесные фразы создавали ему репутацию человека мудрого, то в поездке выяснилось, что старик-то заговаривается, ведет себя порой странно и страдает ото всех напастей, которыми природа наделяет человека к исходу его бытия. Уж насколько был некрасив Ноарион Вользуанский, и тот непроизвольно вздрагивал, когда, отходя от дремоты, видел, как Лескуло, снявший головной убор с приклеенными локонами, поглаживает пигментные пятна на голове, украшенной легким старческим пушком, и разевает беззубый сморщенный рот в приветственной улыбке. Собеседник из старика был не из лучших. Когда он не спал, то полоумно улыбался, подозрительно поглядывая на попутчиков, либо навязывал бредовые разговоры, нить которых терялась в самом начале. Лертэно иногда задавал вопрос другу, о чем же могут беседовать старый граф и епископ наедине, особенно так долго?

Складки покрывала на эртеровской повозке дрогнули, и показалась холеная рука в перстнях. Следом за ней появилось красивое, будто бы выбеленное лицо в обрамлении черных спиралевидных локонов. Герцог Гвернский обладал редкой красотой, которая восхищала женщин и раздражала мужчин. Лертэно вошел в тот возраст, когда люди легко расточают дары природы, особенно если щедро ими наделены. Он еще не избавился от легкомыслия юности, и потому единственной его печалью была постоянная нехватка денег.

В свои двадцать три года владетель Гверна успел привыкнуть к восточной роскоши Кальярда, пришедшей из Лакрассарской империи. Немалых затрат требовала жизнь при армалонском дворе, как и книги, стоившие порой дороже, чем перстень искусного ювелира. Но главное – собор Св. Альранда, поглощавший не только все мысли герцога, но и огромные средства. Мечта шестилетней давности, завладевшая им, как требовательная любовница, как сладкий дурманивший напиток. Мечта, забиравшая для своего воплощения столько денег, что со временем Лертэно стал облагать новыми налогами гвернцев, рискуя вызвать их недовольство. Подобная мера отчасти помогла, но...

Помимо прочего, на содержании герцога находилась армия, восемь лет не видевшая настоящей военной добычи, которую необходимо было компенсировать золотом. В Кальярде и Тельсфоре Лертэно держал собственный двор. Отпрыски благородных семейств неотлучно находились при Эртере, кормились с его стола и могли гордо именовать себя герцогской свитой. Большинство наследников и «третьих сыновей» едва достигли рыцарского возраста, они жаждали битв и славы, обещанных принцем после истечения перемирия с Рользатом. И уж эти восторженные щенки обожали своего сюзерена не меньше, чем его закаленные псы войны. Однако кормить их приходилось также за эртеровские деньги.

Дабы поправить ситуацию, приближенные герцога нашли неверингских банкиров, обосновавшихся в Мезеркиле, которые посчитали за честь одолжить принцу крови небольшую, по их мнению, сумму. Прибегнув однажды к помощи ростовщиков, Эртер уже не мог остановиться. Лакрассарские и оркальские купцы его боготворили, ювелиры пели осанну утонченному вкусу настоящего вельможи, оружейники Гверна из года в год становились все богаче.

В воздухе разливался запах полевых цветов и свежей травы. Молодой герцог зажмурился от удовольствия. В такие моменты принято вспоминать детство, но память Лертэно почти ничего не сохранила. Да, были страшные сказки, ласковые руки Анны, синие глаза Марии. Потом он стал взрослым в полумраке Св. Альранда над могильной плитой. Шум кальярдской таверны и его первая женщина. И сразу Артехей, к которому он научился убивать. Конечно, битву за Сьер он помнил ясно! А лица братьев стерлись со временем, как и та жизнь, что принадлежала ему восемь лет назад. Воспоминания окрасились где-то пафосом, где-то трагедией, как и полагается жизни героя, каким он себя представлял в шестнадцать лет. Вот только приходилось гнать неотступную мысль о том, что он был все-таки ублюдком Артори Эртера, а не его законным сыном.

Лертэно поморщился и выглянул из повозки с криком:

– Туларо!

Щегольски одетый юноша, гарцуя на вороном жеребце, подъехал к повозке и поклонился, отчего белое перо на его маленькой красной шапочке кокетливо качнулось.

– Туларо, что говорят, мы скоро приедем?

– Говорят, что скоро, ваша светлость. Оруженосец его сиятельства едет второй раз, так он сказал, что к обеду доберемся.

Герцог удовлетворенно кивнул и откинулся на подушки. Какое-то время он задумчиво смотрел перед собой, а затем его взор упал на графа Вользуанского. Безобразно большой тонкий рот, очень светлые, почти белые локоны, брови, ресницы. Руки крепкие и грубые. Непомерно сильное тело. Еще одно воспоминание, которое необходимо стереть из памяти. Настроение и без того тоскливое, стало еще хуже.

Можно было снова погрузиться в бездумную дрему, но мешали паж, затеявшие игру в карты. Игра эта была запрещена эдиктом Эрвика V, однако на указ откровенно плевали. Герцог Артехейский оплачивал карточные долги своих придворных. Гьют Форльдок обратился к ростовщикам, проиграв свой рыцарский лен одному из Арисилей. Королева со слезами умоляла герцога Милертского втайне от Эрвика выкупить рубиновую розу, которую она отдала в залог. Самому Лертэно пришлось выручать Эльжена Туларо, проигравшего не только доспехи, коня, фамильный перстень, но и самого себя.

Паж герцога залился тоненьким смехом, выиграв у товарищей. Тут же начались тычки, шлепки, возня, кто-то кого-то пнул... Принц щелкнул пальцами. Мальчишки, уловившие недовольство Лертэно, разом на него воззрились, послушно сложив руки на коленях. Эртер слегка кивнул в сторону старого Лескуло и покачал головой. Пажи тихо прыснули в кулачки и принялись снова тасовать колоду.

Герцог со вздохом снова выглянул в окошко. Раскрывавшийся пейзаж продолжал навевать не самые приятные мысли. Перед глазами стояла Ортал с твердо сжатыми губами и уко-

ром во взгляде. Его герцогиня... За все время их брака ему не в чем было ее упрекнуть. Не любил уже, но кто любит жен? Быть может, лишь Эрвик свою Гамиру. И то вряд ли. Что же до Ортали... Его выбор предопределила любовь к другой женщине.

В 660 году Ноарион, вернувшись ко двору после положенного траура, обнаружил Лертэно слегка обезумевшим от переполнявших его чувств. Граф выслушал десятки стихов, воспевающих Прекрасную Даму, пламенные речи, посвященные всё той же особе. Кто стал избранницей герцога, было известно всему двору. В кого мог влюбиться юноша с первого взгляда, прибыв в Армалон? Разумеется, в королеву, прекрасную Гамиру. Было достаточно одного взгляда, заставившего одновременно дрогнуть два сердца. Ему едва минуло восемнадцать, ей шел двадцать шестой год, и они, никогда ранее не любившие, начали с упоением играть в возвышенные чувства. Он был верным и преданным рыцарем, бросившим свое сердце на алтарь служения далекой возлюбленной; она была недоступной Дамой, принимавшей как должное пылкость его полудетского увлечения. Их любовь была чиста, к тому же обставлена как полагается, и посему Армакер принял ее благосклонно. Однако со временем столь прекрасные и возвышенные чувства, словно сошедшие со страниц рыцарского романа, претерпели изменения. Последуй они за этой чудесной метаморфозой, триумфальное начало придворной жизни герцога Гвернского очень быстро стало бы концом. Через год после первого «решающего» взгляда Гамира почувствовала вождеделение, от которого стало невозможно дышать. То, что в королеве вызвало смущение, удивление, тайную радость, Лертэно привело в ужас. Поначалу он смело предавался мечтам, представляя далеко не целомудренные картины. С удивлением он заметил в глазах платонической возлюбленной нечто новое, пугающее, явно указывающее на возможность воплощения его грез в жизнь. Несмотря на юный возраст, герцогу не пришлось долго размышлять, чем для него закончится подобная страсть. Богатое воображение предоставило несколько эффектных сцен на эшафоте, и любовь пошла на убыль.

Привязанность к Гамире глубоко засела в сердце Лертэно, и, чтобы от нее избавиться, герцог Гвернский решился жениться. Однако подыскать жену оказалось делом непростым.

Статус Лертэно в династической иерархии был несколько странным. Формально он считался принцем крови, принимал участие в Малых королевских советах наравне с ближайшими родственниками его величества, мог также представлять дом Эрелингов как посол, но официально святость его крови вызывала сомнение, и герцог практически приравнялся к бастардам королевского происхождения, что задевало его самолюбие и осложняло выбор невесты.

Рэссимонд, страдающий от невозможности соединиться с возлюбленной, предлагал наплевать на титулы, земли и деньги, намекая на свой брак с принцессой Лакрассара, которая, будучи старше мужа лет на десять, не могла привнести в семейные отношения хоть какую-нибудь радость и за несколько месяцев супружеской жизни так и не забеременела. Гьютр Форльдок соглашался с принцем, напоминая о том, что за три года он, Гьютр, успел похоронить двух жен, выбранных строгим родителем, оставивших его без наследника и без выплаченного приданого. Граф Вользуанский, человек более разумный, предложил поискать жену по графствам, прилегающим к Гверну, и требовать в качестве приданого не столько земли, сколько деньги, в коих Эртер начал отчаянно нуждаться.

Неожиданно для всех сам Лертэно начал робко рассматривать младших дочерей королевских семейств, посылая доверенных людей к иностранным дворам. Опешившие Эрелинги быстро пресекли эти попытки, завершив поиски невесты приятным для Эртера образом.

Весной 661 года Эрвик созвал на армалонский турнир рыцарей со всего Мезеркиля. Из гвернского Норлока приехал граф Варлис, привезя с собой жену и пять дочерей. Графа считали человеком упрямым, злым и заносчивым. Но все считались с его деньгами, а некоторые отдавали должное его уму.

За день до начала турнира Лертэно, проходя по одной из галерей Армакера, почувствовал едва уловимый запах мускуса и увидел бледное узкое лицо с огромными фиалковыми глазами.

Герцог сделал все, чтобы стать победителем первого дня поединков. Ему предложили выбрать Прекрасную Даму праздника. К удивлению двора, Эртер проехал мимо царственной Гамиры, мимо обольстительной Арисиль, мимо Шарлики Форльдок, чья красота пышно расцвела в тот год. Он остановился перед старшей дочерью Варлиса, которая сделалась бледнее обычного и дрожащей рукой протянула юноше снятую с головного убора вуаль.

Свадьба не заставила себя ждать. Через месяц герцог Гвернский давал клятвы верности в кальярдском соборе Архангелов. Молодая жена принесла хорошее приданое, на время поправившее положение супруга. Опьяненный новым чувством и деньгами, Лертэно уверовал в любовь, не выпуская Орталю из спальни. После недоступной, величественной Гамиры, скромная жена с чудными глазами казалась воплотившейся мечтой.

Все, конечно, прошло, и довольно быстро. После трех месяцев вполне счастливой семейной жизни герцог оставил беременную Орталю в Тельсфоре и под надуманным предлогом вернулся в Армалон. А там Армакер преподнес ему подарок в виде рыжеволосой женщины с земляничными губами.

В Тельсфор Лертэно вернулся таким, что лучше бы и вовсе не возвращался. Герцогиня, наслушавшаяся от добрых людей слухов и небылиц, вопросов не задавала. Истории о вскрытых трупах и сплетни о связи с графом Вользуанским настолько ее потрясли, что она старалась не попадаться лишний раз на глаза супругу. Когда же Лертэно с любопытством рассматривал ее растущий живот и клал ладони на ее лоно, несчастная Орталю сжималась от ужаса и отвращения. Впрочем, ее чувств Эртер не замечал, его мысли были заняты другим. Жена превратилась в сосуд, который временами нужно наполнять. За четыре года она родила трех сыновей, из которых выжили двое. Да, она никогда и ничем его не огорчала. Но ее взгляд порой...

В этом году герцог собирался посетить Гверн осенью. Однако приехал раньше назначенного срока, в конце мая, чем удивил домочадцев. Прямо в Тельсфор герцог не отправился, остановившись в Кальярде, и неделю до герцогини доходили слухи о веселом времяпровождении супруга. Когда он наконец-то объявился в замке, с ее губ не сорвалось ни слова упрека. Она равнодушно смотрела, как он играет со своим первенцем, объезжает лошадей, весело посматривает на служанок. Орталю сохранила спокойствие, даже узнав, почему Лертэно так рано приехал в Гверн. Но Эртеру было достаточно одного ее взгляда, который даже теперь портил ему настроение.

Герцог машинально поднял руку, чтобы почесать голову, но вовремя остановился. Воск так обильно покрывал локоны, что до кожи было не добраться. Вшей весь обоз подцепил на одном из постоянных дворов. Уберегся лишь граф Лескуло, так как был лыс. Остальные же нещадно запускали пальцы в волосы и старательно карябали зудевшую кожу. Правда, граф Вользуанский почему-то не чесался. Лертэно решил, что причиной тому выдержка и все та же невозможность разлепить воск. Сам же принц, проклиная все на свете, осторожно почесывался ароматическими палочками, которые повсюду таскал за собой, найдя им новое необычное применение.

Голос Ноариона прозвучал тихо, но герцог все равно вздрогнул:

– Мой принц, смею заверить, ближайшее время вы не увидите ничего нового. Дорога к замку маркизы крайне неживописна и неинтересна.

Лертэно откинулся на подушки и с улыбкой взглянул на графа. Как же Господь может создавать настолько некрасивых людей? Вользуан, словно прочитав его мысли, чуть усмехнулся и промолвил:

– Я слышал, ты едешь в Артехей.

Брови герцога поднялись.

– Откуда такая осведомленность?

Ноарион расправил складки упелянда⁶ и ответил:

– Мне полагается знать обо всем, что происходит в Мезеркиле.

– А что об этом известно его величеству?

– Пока ничего. Как только мне пришло донесение о мятеже в Артехее, я сначала обратился к Его Высочеству. И, памятуя о нашей прежней дружбе, решил пока ничего не докладывать Эрвику. Как и о том, что рота «свободных сынов» движется в сторону взбунтовавшегося города... Только зря вы это затеяли. Король все равно узнает, причем без меня. Славные гвернцы, бодро марширующие через весь Мезеркиль с востока на запад, не останутся незамеченными.

– Я могу надеяться, до ушей Эрвика весть о бодром марше дойдет после усмирения мятежа...

Граф улыбнулся.

– Всё в руках Господа, мой принц... Я бы на твоём месте не стал вмешиваться в раздоры братьев. Рэссимонд поступает необдуманно, усугубляя и без того не самые лучшие отношения с королем. А в случае провала вашей авантюры, вам не поможет даже герцог Милертский.

Лертэно раздраженно отмахнулся. Эта привычка Эртера бесила Вользуана ещё с Тельсфора, правда, вида он не показывал, лишь иногда кривил тонкие губы. Герцог повертел в пальцах ароматическую палочку. Пажи были так увлечены игрой, что вряд ли прислушивались к их разговору. А старый Лескуло похрапывал, усиленно пуская слюни во сне.

– Почему Рэссимонд сам не поехал усмирять Артехей? Это могли сделать и его вассалы, – этот вопрос уже несколько дней занимал герцога.

– Тому помешал ряд событий. Еще до того, как ты покинул Армалон, умер последний граф Морксар, не оставив после себя наследников. Наследника нет вообще – ни по прямой линии, ни по боковым. Отважные артехейские бароны, чьи земли граничат с графством, тут же бросились в Армалон, желая получить от своего сюзерена если не графский титул, то хотя бы часть земель покойного графа. Его высочество слишком долго размышлял, кого же осчастливить.

– Это я помню.

– Ты уехал, а он еще размышлял. Всё это время его верные вассалы оставались в Армалоне, шатаясь по королевскому дворцу. К ним уже настолько привыкли, что, исчезни хоть один из них, – это стало бы заметно. К тому же уезжать обратно в Артехей не имело смысла, так как свадьба Рэссимонда не за горами, а вассалы должны присутствовать на бракосочетании сюзерена. И тут пришло послание от наместника. Через день еще одно – от рыцаря Нормара. Наместник сообщил о мятеже, а Нормар пояснил, почему посмел поднять восстание. Выехать в свои владения принц не мог, так как пришлось бы объяснять старшему брату, по какой причине он бросает двор, предсвадебные приготовления, страдания по прекрасной Шарлике. Отсылать артехейских баронов тоже нельзя. Они должны присутствовать на свадьбе, и им необязательно знать о мятеже, поскольку тут же пойдут слухи при дворе. Самое смешное – на свадьбу должны приехать из Артехея и другие вассалы Рэссимонда. Следовательно, что делать?

– Обратиться к друзьям.

– Идея глупая, хотя вполне логичная для Рэссимонда. Ко мне принц не обратился по понятным причинам. Ты же волен поступать, как тебе угодно, твой отъезд будет вполне понятен – в Армакере тебя никто не желает видеть, да и герцогиня вот-вот подарит тебе еще одного отпрыска. Его величество только обрадуется, если ты снова покинешь столицу. Отсутствие при дворе Армондэ никого не удивит – ему разрешено появиться на свадьбе Рэссимонда, но после

⁶ Упелянд – верхняя одежда позднего Средневековья с широкими колоколообразными рукавами. Длинный вариант одевания предназначался для торжественных случаев, короткий – для танцев, прогулок и верховой езды. Женский вариант этой одежды был длинным и со шлейфом.

он обязан вернуться в свой лен⁷. Для полноты счастья не хватает Гьюрта. Но, увы, теперь он не совсем друг его высочеству, благодаря красоте своей сестры.

Герцог рассмеялся и покачал головой. Ноарион с волнением заметил мочку уха и качнувшуюся серьгу в виде головы леопарда, держащего в пасти васильковый сапфир.

– Не идея глупая, а сложившееся положение, – произнес Лертэно. Граф проследил за взмахом изогнутых ресниц. Говорить не хотелось, только бы смотреть на него бесконечно долго не отводить глаз, как когда-то давно в Тельсфоре. Однако приходилось продолжать разговор:

– Но все можно было предотвратить. Его высочество ничего не сообщает королю не только потому, что Эрвик ущемляет его право сюзерена, не только потому, что король и близко не подпустит Рэссимонда к Артехею. Дело в том, что сам мятеж можно было предотвратить. Необходимость самому принцу мчаться в Артехей отсутствовала – его бы и не отпустили...

– Изумительная осведомленность!

– Начиная с зимы Рэссимонд получал письма от Нормара с жалобами на наместника. Принц, что ему свойственно, не обращал на них никакого внимания, поскольку был весьма увлечен распрей с Крестоландом Лавуром.

– О да!

– Здесь уж не до жалоб какого-то рыцаря на Арисиль, он обоих и в лицо-то подзабыл...

Лертэно щелкнул пальцами, что-то припоминая:

– Нормар приезжал в Армалон.

Ноарион кивнул и продолжил:

– Следом за ним появился и Арисиль. Когда король спросил брата, для чего они приезжали, Рэссимонд...

– Рэссимонд ответил, что им тоже хочется урвать кусок от графства Морксар. Нам почему-то так казалось.

– Увы.

Граф развел руками и печально вздохнул. Лертэно не понял, почему «увы» и что особенного в ссоре одного из вассалов герцога Артехейского с наместником. «Увы» будет, если Эрвик раньше времени узнает об открытом мятеже и не даст принцам разобраться самим. Ноарион явно печалился о другом, иначе не стал бы демонстрировать озабоченность и тревогу, да и говорить бы об Артехее не начал. Эртер всегда был уверен, что советниками королей не бывают люди глупые, потому разговор следовало продолжить, хотя упоминание об этом городе заставляло волноваться и вызывало досаду.

– Раз тебе известно все – продолжай. Каков Нормар, чем ему насолил Арисиль...

– Рыцарь Эрк Нормар – глава рода, от которого помимо него самого остались его сын и дочь. Он не просто богат – он сказочно богат. Состояние сделал на торговле шерстью.

– На торговле? Рыцарь?

– Именно. Стремительное обогащение.

– Какой стыд!

– Стыд – проиграть в карты самого себя. Для дворянина, конечно. По крайней мере, заняться торговлей – разумное решение. Нормары никогда не владели богатыми землями. Войны не было уже восемь лет, не было добычи и выкупов. Но если из пахотных полей сделать пастбища, а крестьян заменить на овец, то без всякой алхимии получится золото... Собственно, с этого и началась ссора Эрка с Арисилем. Наместник попытался получить часть денег от торговли шерстью, причем такую часть, что Нормар воспротивился. Арисиль настаивал, Эрк свирепел. И, наконец, совершил ошибку, решив искать защиты у Рэссимонда. Поначалу все письма к принцу указывали только на несправедливости, касающиеся самого Нормара. Но поздние послания обвиняли Арисилья в куда более страшных грехах. Думается, в их раздоре

⁷ Рыцарский лен – земли, пожалованные вассалу сеньором.

произошло что-то, превратившее обычную грызню в мятеж. Но что именно – даже мне неизвестно.

– Почему Нормар живет в городе?

– Через Артехей проходит торговый путь, а рыцарь привык сам следить за своими делами. Действительно, как купец. В городе живет и вся его семья... Вызвать обе стороны в Армалон уже невозможно. Нормар осаждает замок наместника. В то же самое время бароны Эльм и Барса ходят кругами вокруг Артехея, не зная, что им предпринять, так как Рэссимонд приказал им только стоять под стенами города.

Герцог пожал плечами и сказал:

– Рэссимонд, несомненно, примет справедливое решение.

Усмешка графа Лертэно совсем не понравилась. Вользуан прикусил губу, словно раздумывая – доверить ли Эртеру то, что ему еще известно. Наконец, после некоторого молчания Ноарион произнес:

– Неуверенность Рэссимонда не означает отсутствия решения. Нормар изначально ошибся с покровителем. Ему бы писать Эрвику. Это сохранило бы его жизнь, его честь, честь его семьи. Нет, Лертэно, справедливости не будет. Через тебя его высочество отправит своего верного рыцаря на эшафот, как предателя. Нормару не повезло – он владеет золотом. И золота у него много.

Герцог хотел было возразить, но проснулся Лескуло, беззубый рот прошамкал нечто невразумительное. Молодые люди дружно улыбнулись старику. Пажи засуетились и попрятали карты. Вользуан начал речь о погоде, налогах, Бенна. Старый граф рассеянно кивал в ответ, вглядываясь подслеповатыми глазками в лицо Эртера, будто позабыв, как тот выглядит.

По мере приближения к замку маркизы Бенна стали появляться люди. Это были крестьяне – бородатые, с обветренными темными лицами. Они взглядами провожали кавалькаду «длинноволосых» дворян, дивясь пышному эскорту послов. В их усталых глазах мелькала искра интереса, которая тут же гасла, когда разряженные господа исчезали из вида.

Эльжен Туларо, гордо подбоченясь, искоса поглядывал на вилланов. Все они были крепкими мужиками, наверное, молодыми, да как разберешь, сколько им лет! Эльжену приходилось видеть таких и в Гверне, и в Штадри, и в Мезерле. Ширококостных, угрюмых, сделанных из одного теста. В них не было любезной покорности горожан и слуг. Оттого становилось немного жутко. И неприятный холодок проходил между лопатками, когда оруженосец встречался с кем-нибудь из этих людей взглядами. Да возможно ли считать их людьми?

Юный гвернец поежился. Уж лучше смотреть на небо, где по чистейшей золотящейся лазури изредка проплывают тонкие завитки прозрачных облачков. А ежели совсем хорошо присмотреться, то можно увидеть высоко-высоко птиц. Быть может, тех самых, что и в Гверне. Птицам все равно где летать. Им что Тельсфор, что Бенна – все едино. Или нет? Задумавшись, он не услышал предостерегающего возгласа. Только когда что-то зеленое отлетело от копыт его коня, Эльжен осмотрелся по сторонам.

В грязи, испуганно озираясь под хохот кортежа, сидела миловидная девушка в бледно-зеленом платье. Не крестьянка, но не из благородных. У знатных девиц таких рук не бывает. Правда, чистенькая. Передник, косынка – кипельно-белые. Сама пригожая. Туларо произвольно улыбнулся. А ведь хороша! Рука сама потянулась к кошельку, и он бросил девушке монетку, которую та поймала на лету. Больше Эльжен на нее не смотрел. Ведь наконец-то показался замок маркизы Эльсейды.

* * *

Ветвь Бенна восходила к Эрвику I Эрелингу. Главой рода считался герцог Ишар. Его младший брат Альранд, владевший маркизатом, граничившим с неверингскими землями,

женился на принцессе Неверинга Эльсейде Летольян, обеспечив себе и Мезеркилю мир с соседями. Молодая жена, в свою очередь, дала роду достойное продолжение. За годы супружества она родила шесть детей. Бездетный герцог Бенна мог надеяться, что ему удастся передать власть одному из племянников. Однако Господь распорядился иначе. Оспа забрала двух мальчиков. В живых остались четыре дочери Альранда и Эльсейды: Гамира, ставшая королевой Мезеркиля, Анна, Эларта и Эрна. Старшая дочь принесла короне маркизат Бенна, который отходил правителям Мезеркиля после смерти Эльсейды. Анна присоединяла к владениям мужа графства Эсельдейм и Гравентьер, свадебный подарок дяди.

Эльсейда Летольян, овдовев десять лет назад, старалась не покидать своего замка. Она окружила себя хорошенками пажами, сладкоголосыми миннезингерами и неверингскими молоденькими живописцами, чей талант уступал их красоте. Ходили слухи о веселом вдовстве и расточительстве. Однако всему Мезеркилю было известно, что дочерей маркиза воспитывает в строгости, и до двенадцати лет каждая из них жила в монастыре. Говорили, будто это и сыграло решающую роль в выборе невесты для Рэссимонда Артехейского. Графства графствами, а на брачное ложе принца должна взойти благочестивая девушка, а не какая-нибудь вертихвостка вроде Эрны Мезеркильской.

Камергер замка маркизы Бенна, Шальдо Брейя, выполнявший также функции секретаря Эльсейды, вышел встречать армалонских гостей, выстроив почетную стражу от третьих замковых ворот до дверей дворца. Стража состояла сплошь из высоченных молодцов, как на подбор румяных и благообразных – маркиза ценила красоту. Сам Шальдо, привезенный еще совсем молоденькой Эльсейдой из Неверинга, был вполне хорош для своих лет, и помимо секретарских обязанностей он выполнял и другие, о чем в замке предпочитали не говорить.

В этот день Брейя отчего-то чувствовал некоторое беспокойство, коему не находил объяснения. Он то и дело, потирая руки и шею, оборачивался к дверям, над которыми был выбит в мраморе герб Бенна – золотые солнца и кабанья голова. Безумно хотелось выпить вина, но маркиза строго-настрога запретила прикасаться к живительной влаге, утверждая, будто от вина у него проявляются красные прожилки на носу. А стаканчик сейчас пришелся бы кстати. Позади щебетали младшие придворные дамы, делая ожидание совсем невыносимым. Беспокойство появилось с известием, что за принцессой Анной, помимо епископа и учтивого графа Вользуанского, едет герцог Гвернский. Каков этот самый герцог – в Бенна были наслышаны. Даже любопытно было взглянуть на легенду Сьера, разрушителя Арктера и самого веселого соседнего правителя, о чьих кальярдских развлечениях и полумифической роскоши ходили слухи. За семь лет соседства герцог так и не посетил Бенна, и потому все с интересом и волнением ожидали его приезда.

Стражник на башне крикнул, что посольство проехало вторые ворота. Шальдо почему-то задрожал. С чего бы? Всяких же гостей видел в замке. Он еще раз обернулся, окинув взглядом дворец – свою гордость. Ведь именно он подыскивал красивейший разноцветный мрамор для его отделки, лучших скульпторов и художников. Именно он занимался его обустройством, заказывая мебель, шпалеры, драгоценную утварь.

Повозки подъехали к дворцу, с ними конные. Двор заполнился чужими людьми, чужими голосами. Из эртеровской повозки выскочил паж, опустил складную лесенку и откинул полог. Оруженосцы и рыцари спешили подле нее, самый молоденький и смазливый на вид подал кому-то руку. Сперва Брейя увидел белый шаперон-буреле⁸ с покачивающимися черными и красными перьями. Потом и всего молодого чернокудрого красавца в белом упелянде, вытканном серебром.

⁸ Шаперон-буреле – мужской головной убор позднего Средневековья с длинным хвостом, который драпировали на манер тюрбана, спуская узкий «хвост» на плечо.

Красавец одним движением расправил широкие и длинные, чуть не до земли, рукава, которые тут же легли почти скульптурными складками. За спиной камергера послышались женские вздохи и приглушенные перешептывания. Шальдо даже злость взяла. Вот курицы, вот дуры! Будто мужчин не видали! Мало ли таких красавчиков в замке? Да полно! Песнопевцы с художниками толпами по дворцу слоняются. Но ведь этот – герцог, принц крови, и к тому же с синими глазами. Такого в рыцарский роман засунь – любая обрыдается, сразу начнет представлять себя плененной принцессой. Хорошо, его госпожа – не дура. Или дура? Как увидит, тоже начнет вздыхать, ахать и глаза закатывать? Не может такого случиться, никак не может. И еще не мог представить Брейя, каким образом этот павлин стал сьерским героем да ко всему прочему от целого города камня на камне не оставил.

Камергер-секретарь сложился в низком поклоне, попутно произнося витиеватую приветственную речь, на которую ему учтиво ответил лишь епископ, вставший рядом с Эртером. Лертэно Гвернский рассеянно смотрел за спину Шальдо, изучая герб Бенна, будто видя в его первый раз.

– Откуда сиреневый мрамор? – Голос герцога оказался ниже, чем предполагал неверинжец.

– Простите – что, ваша светлость? – с запинкой переспросил Брейя.

– Из какого карьера сиреневый мрамор?

Значит, смотрел не на герб, а весь фасад изучал.

– Из Эппанайи, ваша светлость. Только там сейчас можно встретить такой оттенок.

Взгляд синих глаз все-таки остановился на камергере. К удивлению Шальдо, в них даже промелькнул интерес.

– Вы знаете все карьеры Неверинга?

– Все, ваша светлость. И осмелюсь добавить, что в Гверне тоже есть карьер, где добывают мрамор удивительного розового цвета.

Герцог теперь улыбался. Он с одобрением посмотрел на Брейя и, обращаясь к епископу, сказал:

– Это единственный карьер во всем Гверне, ваше преосвященство. Мрамор, который из него извлекают, действительно, достоин восхищения. Маркизе повезло, что ей служит такой человек.

Шальдо вдруг смутился, порозовел, как тот самый гвернский мрамор. Дабы скрыть смущение, камергер еще раз поклонился, взмахнул широким рукавом, приглашая посланников короля следовать за собой.

Маркиза Бенна встречала гостей в церемониальном зале. Трон с очень высокой спинкой, на котором восседала Эльсейда, показался Лертэно крайне замысловатым. Такого узора молодой герцог еще не видел в Мезеркиле. С изумлением, подойдя ближе, он разглядел слонов и крылатых человекоподобных монстров, покрытых разноцветной эмалью. Обстановка самого зала никак не вязалась с восточной роскошью трона. Белоснежные пилястры с простыми изящными капителями, строгий орнамент, выложенный бледным разноцветным мрамором, вполне привычные гербы – и такое чудо!

Таким же чудом была и маркиза. Платье золотой парчой струилось к подножию трона. На темноволосой голове возлежала корона маркизата, переливаясь драгоценными камнями. Сияли перстнями тонкие пальцы, покоившиеся на подлокотниках трона. И правы были поэты, воспевавшие ее величественную красоту. Лертэно знал, что в этом году Эльсейде исполнилось сорок четыре, возраст вполне почтенный. Однако лицо маркизы поражало молодостью и свежестью, словно она принимала волшебный эликсир. Лертэно, похабно про себя усмехнувшись, предположил, чем могло являться зелье. Но всё же...

Подле Эльсейды на маленьких складных стульчиках расположились три девушки. Две темноглазые в голубых легких платьях, перехваченных золотыми поясами под грудью. Третья,

зеленоглазая брюнетка, очевидно, и была Анной Бенна. Невесту Рэссимонда облачили в цвета маркизата. Нижнее бледно-зеленое платье целомудренно закрывало грудь по горло, верхнее, без рукавов, золотисто-желтое, с глубоким вырезом, было рельефно расшито впрямь, гербовой фигурой Бенна. Волосы просто заплели в косу, и единственным их украшением являлась спущенная на лоб нитка жемчуга с крупным изумрудом. По дороге в замок маркизы Ноарион Вользуанский с чувством рассказывал о неземной прелести Анны, о ее хрупкости и невинности. Лертэно же нашел девушку заурядной. Нежное, бледное от переживаний личико, безмерно испуганные, грустные глаза, белая тонкая шейка. Маленькая, тревожная, да и только.

Бесшумные слуги поставили гостям стулья. Эльсейда жестом пригласила посланников сесть. Слегка поддавшись вперед, маркиза низким, немного хриплым голосом спросила:

– Ваше преосвященство, герцог, как вы добрались?

Епископ собрался ответить, но Лертэно его опередил:

– Прекрасно, маркиза. Да и могло ли быть иначе, если мы ехали по вашим землям? Единственное, что несколько портило мое путешествие, – нетерпение. Я никак не мог дожидаться, когда же, наконец, достигну вашего замка.

Красные, подкрашенные губы сложились в лукавую улыбку. Удивительный голос вкрадчиво произнес:

– Вам не терпелось увидеть невесту Рэссимонда Артехейского?

Герцог Гвернский улыбнулся в ответ:

– Безусловно, посетить Бенна, что дарит Армалону удивительных красавиц, было моим давним стремлением, и принцесса Анна, без сомнения, как солнце, затмит все звезды Армалона. Однако я томился желанием увидеть ту, которую называют розой Мезеркиля, драгоценнейшим рубином короны.

Эльсейда усмехнулась. Брейя, не сводивший глаз с госпожи, уловил в ней то, чего опасался с самого начала. Она, разумеется, не вспыхнула румянцем, не залилась смущенным смехом, не произнесла застенчивого «ах». Но на одно мгновение в ее взгляде блеснула радость, так многое ему объяснившая.

Маркиза медленно поднялась. Карбункул в центре короны вспыхнул, как язычок пламени. Золотые нити на платье заискрились в лучах солнца. «Как же у нее все продумано», – с восхищением подумал граф Вользуанский. Заметив такое же восхищение в глазах Лертэно, Ноарион снова согласился со своим королем: дурная это затея – отправить Эртера в Бенна.

Как и полагается гостеприимной хозяйке, Эльсейда произнесла вполне закономерную фразу:

– Полагаю, ваше преосвященство, герцог, вы разделите с нами трапезу?

Лертэно, всю дорогу от Гверна до Бенна томившийся скукой и периодически впадавший в уныние, вдруг ощутил душевный подъем. Он расточал улыбки и был не только любезен с епископом, но и всячески поддерживал его высказывания, казавшиеся удивительно верными. Святой отец, сидевший за трапезой по левую руку маркизы, даже начал с удивлением на него поглядывать. Эртер тем временем с интересом разглядывал принцесс. Герцог уловил едва заметную дрожь, охватившую Анну, иногда бросавшую на него взор. Невозмутимая Эларта могла бы соперничать красотой с Шарликой Форльдок, но в ней было так много холода, что кудри, обрамлявшие безукоризненное лицо, не могли придать жизни мраморному облику. Зато Эрна... Вот у кого жизнь была ключом! Самая младшая, почти девочка, она с непосредственностью и любопытством вертела головой. Улыбалась направо-налево не хуже самого герцога. Прелесть, а не девочка! Верно, так же считали и гвернские рыцари, все как на подбор молодые красавцы, с горящими глазами. Они перехватывали взгляды принцессы-девочки и скалили в улыбке крепкие белые зубы, явно не находя ее малышкой. Эрна с восторгом ловила их внимание и, что удивительно, совсем не краснела. Лертэно это вовсе не понравилось, он повертел в руках заячью кость и метнул ее в самого рьяного красавца, попав ему точно в лоб.

Епископ запнулся на полуслове. Эрн залилась звонким смехом и захлопала в ладошки, правда, тут же смолкла под суровым взглядом матери. Ноарион Вользуанский лишь приподнял одну бровь, а старый Лескуло ничего не заметил.

Лертэно улыбнулся младшей принцессе и обратился к Эльсейде:

– Дикость нравов, приписываемая гвернцам, не столь уж и преувеличена. К счастью, вы, маркиза, не видели моих «свободных сынов». Вот где величие порока и свободы.

Епископ скривил губы и произнес:

– Величие! Страшное это величие, ежели целый город да с землей сравнять, а всех его жителей вырезать! И не чужой город – свой. Мы ведь не в дикие времена живем, в наш век достаточно разрушить крепостные стены.

Герцог потеревил серьгу и нарочито тяжело вздохнул.

– Вот так, маркиза, – Лертэно якобы случайно накрыл руку Эльсейды своей ладонью. – Скоро мною начнут пугать детей. Хэрдоком уже пугают, причем небезосновательно...

Маркиза удивленно переспросила:

– Небезосновательно?

– О, маркиза, я не о том, что Рользатский Лис собирается вторгнуться на наши земли. К тому же вам можно не опасаться – Гверн и Бенна далеко от западных границ. Я говорю о слухах, которые ходят вокруг его семейной жизни...

Герцог выдержал паузу. Анна перестала дрожать и прямо на него посмотрела, а Эрн в предвкушении открыла рот.

– Так что же происходит в его семье? – спросила Эльсейда.

– Говорят, будто Хэрдок мало того, что сожительствует со своими невестками, так еще и собственноручно пытается своих жен...

Граф Вользуанский покачал головой и проговорил:

– Ваша светлость, позволю заметить, что это всего лишь слухи. Я не хочу защищать нашего врага, но приписывать ему возможно не существующие зверства не совсем справедливо.

«Вот гад», – подумал Лертэно и ответил:

– Однако эти слухи естественно проистекают из того факта, что король Рользата похоронил четырех жен. Одна из них умерла в заключении и вроде бы не своей смертью. Не везет что-то Хэрдоку с сужеными, а им с ним и подавно.

Епископ задумчиво погладил ножку кубка, инкрустированную аметистами, и сказал:

– Печально, если слухи имеют подтверждение. Но пока это лишь слухи. А действительность такова, что через два года нам придется столкнуться с Хэрдоком на поле боя. И смею заверить, что нам будет не до его воображаемых или же реальных грехов.

Маркиза чуть сдвинула брови и спросила:

– Разве будет война? Но ведь через два года только начнутся переговоры.

Эртер не замедлил ответить:

– Переговоры приведут лишь к одному – войне. В Мезеркиле не найдется ни одного честного человека, кто согласится отдать Сьер Рользату.

Единодушие между Лертэно и епископом испарилось. Святой отец нахмурился и мрачно произнес:

– А вам-то зачем эта война, герцог? Вы ратуете за нее так, как будто рользатцы собираются отобрать у вас Тельсфор. Вы же сами успокоили маркизу – до ваших земель Хэрдок не дойдет.

Лицо Эртера окаменело. Он с силой сжал золотой кубок, отчего на металле появились вмятины, и проговорил:

– Я и четверо моих братьев девять лет назад вышли из Кальярда и отправились на северо-запад, чтобы защищать Мезеркиль. Спустя год мы подошли к Сьеру втроем. После боя, кото-

рый вы воспеваете, как героическую битву за Сьер, я собственноручно выкапывал могилы для двух братьев. И вы спрашиваете меня: зачем мне эта война? Достаточно того, что там мои могилы.

Эльсейда осторожно высвободила руку из-под ладони Лертэно и положила ее сверху, чуть сжав его пальцы.

– Я оплакиваю вместе с вами, герцог, наших рыцарей, отдавших свои жизни в той войне. Я оплакиваю ваших братьев, хоть и не знала их. И каждый в Бенна примет вашу боль от потери, как свою. Его преосвященство, как и вы, был под Сьером, как и вы, держал в руках меч. И он не забыл того боя... А еще я, как хозяйка этого замка, хотела бы напомнить вам, что вы прибыли в Бенна вовсе не затем, чтобы ссориться и прочить нам скорую войну.

Лертэно покорно склонил голову, епископ произнес что-то примиряющее, и трапеза продолжилась в легкой приятной беседе. Герцог, бросая ничего не значащие фразы, рассматривал профиль маркизы. Гамира была очень похожа на мать. Та же статность, величавость. И почему Эльсейда не стареет? В косы, конечно, вплелись серебряные нити. И морщинки вокруг глаз, около губ. От улыбки они становились более заметными. Но такая гладкая кожа. Нет, не ввали поэты, в кои веки не ввали.

* * *

Тулари на этот раз не прислуживал своему герцогу за столом. Ему поручили заняться обустройством принца в отведенных ему покоях. Собственно обустройством занимались слуги, перетаскивающие вещи из повозки в спальню, и паж, старательно расставляющий флакончики и безделушки по уступам горки в виде замка с башенками. Сам Эльжен стоял у окна, стучал пальцем по кованым замысловатым переплетам и выводил буковки по мутноватому зеленому стеклу. По-хорошему, ему следовало заняться порошком и бальзамом, которые могли бы избавить Лертэно от вшей. Но в голову лезли всякие мысли, не дававшие заняться делом. Вот, например, как было бы замечательно оказаться сейчас в трапезной зале. На принцесс посмотреть. Или поймать себе большого ежа, чтобы поить его молоком и проверить, правда ли он топает по ночам, как лошадь. И к нему поймать ежиху, так как очень интересно узнать, каким образом ежи сношаются, ведь у них почти везде колючки. Или...

– Господин рыцарь...

Нежный женский голос прозвучал так неожиданно, что оруженосец ойкнул. Он повернулся и с изумлением воззрился на девушку, которую по дороге к замку сбил конем. Платьице на ней было новое, передник беленький, из-под косынки выбивалось два русых завитка, забавно лежащих на смуглых щеках.

– Господин рыцарь, господин Брейя прислал меня, чтобы я помогла вам устроиться.

Зачарованно Эльжен наблюдал, как ее щеки покрываются пунцовым румянцем. Все интересные мысли о ежах и принцессах сразу вылетели из головы, потому что вырез платья был ну очень глубокий, и она неловко пыталась прикрыть грудь руками. Именно эта не показная стыдливость возбудила в нем желание. Слуги и паж очень вовремя куда-то подевались. Туларо перевел взгляд со служанки на кровать. Девушка поняла его намерения, отчего испуганно захлопала ресницами и что-то протестующе залепетала. Лепет не помешал юноше ее обнять и даже поцеловать в шею. Когда же она попыталась робко отстраниться, Эльжен потащил ее к кровати, на ходу задирая ей юбку. Девушка тихонько заплакала и все так же робко старалась высвободиться из его объятий.

Дальнейшему помешал не вовремя вернувшийся паж. Услышав за спиной громкое «ой» мальчишки, Туларо досадливо выругался и глянул за плечо, чтобы послать его подальше. Однако рядом с пажом, распахнувшим рот, стоял Эртер, невозмутимо наблюдающий за про-

исходящим. Девушка, всхлипывая, отскочила от оруженосца и принялась поправлять платье, попутно вытирая льющиеся слезы.

– Ты кто? – спросил герцог, рассматривая служанку.

– Обэли, ваша милость. Меня прислал господин Брейя, чтобы я помогла вам обустроиться.

– Тогда сходи к Брейя и скажи: пусть распорядится подогреть два больших чана с водой.

– Мне прислуживать вам, ваша милость, когда вы будете мыться?

– Уж больно ты невеселая, чтобы мне прислуживать. И к тому же, без сомнения, невинная девица. Я прав?

Слезы уже не ручейком, а водопадом хлынули из глаз девушки.

– Я так понимаю, ваша милость, вы недовольны мною, я скажу господину Брейя, и он пришлет другую служанку...

Герцог досадливо поморщился.

– Мне не нужна другая служанка. Скажи своему Брейя, пусть только о воде распорядится. А что до тебя, он ничего не узнает. Ступай. И прислуживать при мытье не надо, своих слуг достаточно.

Эльжен никогда не видел, чтобы люди с такой скоростью передвигались. Девушка словно испарилась из покоев, оставив ему разочарование и непонятную злость на самого себя. Эртер устало опустился в кресло и, мрачно глядя на оруженосца, сказал:

– Еще раз увижу, как ты пытаешься кого-то трахнуть в моей спальне, – прикажу высечь и не посмотрю, что ты дворянин и глава рода.

Летние сумерки проникли в комнату, тени сплелись в причудливые узоры. Огоньки свечей, вздрагивая, отплясывали дикий танец. Обнаженный Лертэно полулежал на ложе, вдыхая резкий запах настойки, пропитавшей его влажные волосы, и прислушиваясь к звукам, проникавшим в полуоткрытое окно. Паж, подперев голову кулачком, вдумчиво, но монотонно читал вслух дурацкий роман о похождениях храброго, но немного туповатого рыцаря, по ходу всего повествования спасающего одну и ту же возлюбленную даму. Туларо сидел на скамеечке у кровати герцога, пытаясь понять не всегда логичные поступки благородного героя. Зачем, к примеру, ему понадобилось убивать принца, жениха красавицы, по ее же наущению? Или после похищения дамы злодеем, вместо того, чтобы сразу броситься на ее поиски, уходить в какую-то пустыню, там долго кручиниться и калечить всех, кто пытался узнать, в чем же его горе? Или...

– Туларо, мои вши уже все сдохли?

Эльжен поднял глаза на герцога.

– Давно сдохли, ваша светлость, – ответил он. – Я их всех вычесал. Если запах не нравится, мы волосы мускусом обольем, он хорошо его перебивает.

– А может быть, розовым маслом?

– Нет, ваша светлость. Мускус лучше. Мне еще удалось раздобыть немного воска, так что вашу прическу не нужно будет закреплять жиром...

– Сходи к графу Вользуанскому, предложи ему мазь и воск.

– К графу?

Лицо Туларо вытянулось, демонстрируя недовольство.

– Он тебя не съест...

– Видите ли, ваша светлость, говорят, его сиятельство не только в военное время предпочитает мальчиков. И я знаю, что это действительно так... И вы знаете.

Герцог легонько пнул его ногой. Не больно, но очень обидно.

– Слушай, Туларо, зачем графу мой оруженосец, когда у него есть свой?

– Как это зачем, ваша светлость? Я красивый!

Лертэно удивленно посмотрел на него, будто впервые замечая неземную красоту оруженосца. Эльжен гордо повертел головой, демонстрируя вздернутый нос, редко встречающийся у

гвернцев. Монотонное чтение пажа внезапно прервалось. Мальчик тихо посапывал, положив голову на раскрытую книгу.

Туларио быстро сообразил, как можно избежать покоев королевского советника.

– Ваша светлость, давайте, я почитаю. Я с выражением буду.

– Я сам себе почитаю. А ты иди сначала к графу Лескуло, у него наверняка все пажи вшивые вместе с оруженосцем. Они вместе с нами едут, и я не хочу, чтобы по мне опять что-нибудь ползало.

– Граф Лескуло сейчас, наверное, спит. К тому же он может отказаться. Они же все варвары, ваша светлость. Я недавно разговаривал с оруженосцем Форльдока, того, который старший сын. Так вот у них, оказывается, не принято жевать мятных палочек. И при этом у него так воняло изо рта!

– Где не принято? В Армалоне? Насколько я помню, при дворе уже несколько лет в моде мятные драже, с тех пор как лакрассарка стала женой его высочества.

– Нет, я Армалон не имею в виду. Я про весь Мезеркиль.

– Ах, это... Да, они, действительно, варвары.

Туларио с готовностью закивал:

– Да, ваша светлость, и моются они, дай бог, раз в месяц, вместо того, чтобы каждую неделю.

– Туларио, а почему ты еще здесь?

Эльжен терпеть не мог оруженосцев Вользуана и Лескуло. В принципе, те питали к нему похожие чувства, поэтому в полном молчании юноши посыпали порошок подушки дорожных повозок. Рядом стоял гвернский солдат в небольшой черной шапочке, плотно обтягивающей голову, и с интересом наблюдал за их действиями.

– Что, совсем господ вши зажрали?

Оруженосец Лескуло, толстячок с мучнистым лицом, что-то буркнул в ответ. Оруженосец Вользуана, длинноносый парень, засыпающий на ходу, даже не обратил на солдата внимания. Туларио бросил быстрый взгляд и с досадой подумал, что герцог наверняка помнит, как зовут этого человека.

– Да-а, – протянул солдат, не дождавшись ответа, – надо же чего выдумают. Что, помогает эта штука?

– Помогает, а герцог велел всем своим людям мазать голову настойкой и все вещи посыпать вот этим порошком.

– А зачем нам, маленький господинчик? Мы вопрос со вшами быстро и просто решаем.

– Это как?

Солдат снял шапочку, обнажив абсолютно лысую голову.

– Нам ведь красоваться не надо.

Когда Эльжен вернулся к герцогу, горела всего одна свеча. Паж спал на сундуке, покрытом ковром. Лертэно, прикрывшись златотканым покрывалом, читал книгу. Так, как Эртер, никто не делал. Где это видано – читать в постели?! Туларио присел на скамью, на которой ему предстояло провести ночь, и спросил:

– Вашей светлости требуется еще что-нибудь?

Принц поднял голову и осторожно закрыл книгу.

– Нет, Туларио. Ложись.

Оруженосец вытянулся на скамье и прикрыл глаза. А все-таки странный замок у маркизы. Какой-то ненастоящий. Все здесь казалось хрупким, истонченным. Может быть, дело в мраморе, из которого построен дворец? Шпалеры на стенах бледненькие, покрытые паутинами золотых и серебряных нитей, и вроде бы серебра больше.

В дверь тихонечко поскребли. Туларио бесшумно вскочил и рывком распахнул дверь. Перед ним стояла Обэли, смущенно теребившая передник. Эльжен с опаской оглянулся на

своего сюзерена. Лертэно поднял голову, оторвавшись от книги, и с удивлением взглянул на гостю. Оруженосец неожиданно для себя покраснел и пробормотал:

– Ваша светлость, ко мне... Она не знала... То есть знала, но не думала.

– Нет-нет, – торопливо перебила его девушка. – Я к его светлости. Прошу, впустите меня, господин рыцарь.

Эртер кивнул. Обэли осторожно вошла и, стараясь не скрипеть, закрыла дверь. Неловко поклонившись, она робко произнесла:

– Ваша светлость, моя госпожа пожелала видеть вас... сейчас.

Лертэно присвистнул и улыбнулся:

– И кто твоя госпожа, я слышал только о господине Брейя?

– Ее сиятельство, маркиза Эльсейда.

Лертэно поднялся, отложив книгу. Паж проснулся и недовольно осмотрелся по сторонам.

Принц почти шепотом бросил:

– Спи.

Мальчишка удовлетворенно закрыл глаза и засопел, подложив руки под щеку. Эльжен накинул на плечи герцога упелянд и протянул пояс. Эртер приблизился к служанке и приподнял ее голову за подбородок.

– Смотри, Туларо, какие глаза – серые звезды! Милая, если я правильно понимаю, из этой комнаты есть тайный ход к спальне твоей госпожи?

Обэли кивнула. Лертэно ласково потрепал ее по щеке.

– Веди.

Спальня маркизы напомнила герцогу его любимую комнату в Тельсфоре. Только вместо шествия волхвов на стенах развешивались бытовые сценки из жизни семейства Бенна. Вот – охота, а вот – игра в шахматы. На одной из стен были изображены все члены семьи, включая герцога Ишара. Младшие дочери Эльсейды, совсем малютки, облаченные во взрослые платья, старательно придавали торжественный вид своим личикам. Юная Гамира, расположившаяся рядом с отцом, казалась задумчивой и печальной, немного напоминая Анну. Фрески были выполнены в нежной розово-зеленой гамме, удивительной для Мезеркиля, предпочитавшего яркие краски. Лертэно поднял глаза к потолку и поразился увиденному. Вместо обычных кессонов, над ним застыло удивительной синевы небо с беленькими витиеватыми облачками. По четырем углам изящные ангелы с золотистыми крыльями играли кто на лютне, кто на флейте. Завороженный росписями герцог не сразу обратился к Эльсейде, которая сидела на небольшом стульчике около окна.

Маркиза поднялась, зашелестело простое платье цвета морской волны. Жестом она приказала Обэли удалиться. Очень медленно Эльсейда подошла к Лертэно и встала почти вплотную. Эртер уловил запах мускуса, исходивший от ее кос, собранных в тяжелый пучок. Одна прядь черной змейкой спускалась на щеку. Маркиза дотронулась до его волос, перехваченных лентой.

– А я думала, волосы у тебя сами вьются, – тихо сказала она.

– Совсем немного. А так это заслуга нагретых щипцов.

Эльсейда уверенно провела пальцем по его губам.

– Ну, красоты у тебя от этого не убавилось.

Ее рот едва изогнулся в полуулыбке. Морщинки на мгновение обрамили чуть сощурившиеся оценивающие глаза. И голос у нее был необыкновенный, женщины стараются говорить нежнее, выше.

– Я много о тебе слышала. И хотела узнать, правда ли то, что рассказывают.

Лертэно, поцеловав ее запястье, произнес:

– Главное, чтобы ты была готова узнать.

Аквамариновое платье соскользнуло с плеч. Маркиза тряхнула головой, шпильки бесшумно упали на пол, устланный оркальским шелковым ковром. Прежде чем поцеловать Эльсейду, герцог подумал, что у нее восхитительные плечи и что уезжать завтра совсем некстати.

Через три часа, когда мерцание свечей уступило место летнему сумраку, Лертэно гладил обнаженное тело Эльсейды, такое же молодое, как и лицо.

– Я могу часто приезжать, – сказал он.

Эльсейда лениво потянулась и ответила:

– Не нужно.

Герцог приподнялся на локте и свободной рукой притянул маркизу за волосы к себе.

– Почему? Ведь я люблю тебя.

Она лишь пожала плечами и спокойно произнесла:

– Я не люблю тебя.

Лертэно усмехнулся и отпустил ее темные пряди. Какая же у нее белая кожа, словно мрамор! А глаза в темноте совсем черные, огромные, как у дьяволицы. Он поцеловал ее в лоб. От тела, как и от волос, пахло мускусом. Ночь скрывала черты лица, четко очерченные губы, красные настолько, что они казались подкрашенными. Какого черта нужно возвращаться в Армалон! Рэссимонд как-нибудь проживет лишний день без своей бледной принцессы. Жаль, в темноте не разглядеть выражения ее лица.

– А я влюбился. И буду приезжать. Ты же не станешь прогонять меня?

Эльсейда рассмеялась. Смех у нее, как и голос, был низкий, немного хриплый.

– Ты не думал, что с каждым годом я не буду становиться моложе?

– Ну, кое-что у тебя до конца жизни останется... А если вдруг решишь меня прогнать, я возьму в осаду твой игрушечный замок, где вместо защитников – одни мазилы и виршеплеты.

Лертэно показалось, что маркиза наконец-то с удивлением на него взглянула, и он продолжил:

– Ты, наверное, думаешь, что на помощь бросятся Неверинг, Армалон и твой деверь? Пока они опомнятся, я уже буду в твоём дворце, и тебе ничего не останется, как вручить мне свое сердце. А потом я отвезу тебя в Кальярд... нет, лучше – в Тельсфор.

Эльсейда снова рассмеялась.

– Разве устраивают войны из-за женщин?

– Когда-то очень и очень давно великая война, погубившая царство, случилась из-за одной красавицы.

– Но это было очень и очень давно. Теперь лишь в рыцарских романах прекрасный герой бросает вызов королевствам, чтобы спасти возлюбленную, да и то не в каждом. Кто сейчас разрушит хотя бы город ради любви?

Эртер задумался и ответил:

– Одного безумца точно я знаю. Армондэ Форльдоку не хватает только плененной дамы. Что до меня, то я похитил бы прекраснейший цветок Бенна и...

– Не нужно. Ярчайший рубин короны всегда тебя примет в своем игрушечном замке.

* * *

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь мутные зеленоватые стекла, выкладывали на полу плетеный орнамент. Рисунок теней получался скучным, неинтересным, холодным. Почти серые шпалеры серебрились на стенах, и застывшие на них героини сказочного повествования казались призраками. Если распахнуть окно, то солнце вольется в комнату и своею жизнью напоит стены, ткани, мебель. Правда, оно разрушит все волшебство и удивительную прохладу покоев.

Тулари сидел на кровати, свесив ноги, и вертел в руках красную шапочку с длинным белоснежным пером. Белоснежным, конечно, оно быть давно перестало, но в таком освещении казалось прямо-таки удивительной белизны. Эльжен приложил шапочку к невысоким сапожкам и с удовольствием отметил, что цвет – один в один. Жаль, что при въезде в Армалон придется переодеться в цвета герцога. Черный оруженосец не жаловал, уж больно унылый в нем вид, будто все домашние переумирали. А когда Эртер со своими рыцарями принимал участие в особо торжественных, официальных приемах, получалась целая траурная процессия, оживляемая одним Лертэно, чей упелянд был выткан золотыми леопардами. В таких случаях самыми нарядными оказывались придворные короля Эрвика, облаченные в пурпурные одежды. Вассалы герцога Милертского, очевидно, отвечали за чистоту короны, ослепляя белизной своего облачения. Преданность и справедливость олицетворяли синие сантарцы. Бенна зелеными костюмами являли собой верность и галантность. Зато артехейцы в черном зачастую сливались с гвернцами. Исключением был граф Морксар, появлявшийся в золотом, несмотря на вассальную присягу Рэссимонду и свой синий гербовый цвет.

Размышления прервал паж герцога, который, подпрыгивая и напевая песенку, влетел в покои. Следом за мальчишкой вошла Обэли, покрасневшая при виде оруженосца. Зловредный паж вместо того, чтобы убраться, приплясывал возле ступенчатой горки и с нескрываемым интересом поглядывал то на оруженосца, то на служанку. Девушка принялась складывать в сундучок флакончики и статуэтки, мальчишка давал указания, кося глазом на Эльжена.

Тулари, не отрываясь, смотрел на смуглую шею служанки. «Если обернется, когда я досчитаю до десяти, тогда точно будет моей», – загадал юноша. Она обернулась раньше и улыбнулась.

– Меня зовут Эльженом Тулари. Запомнишь?

Девушка снова улыбнулась и кивнула.

– Запомню, господин рыцарь.

После ее слов стало гораздо веселее. Даже гримасы пажа, закатывающего глаза, хватающегося за сердце, не могли испортить настроения. Дождавшись, когда слуги вынесут оставшиеся сундуки и они с мальчишкой останутся наедине, Эльжен добродушно дал ему подзатыльник.

Посланники Эрвика V ожидали невесту Рэссимонда Артехейского перед замковой капеллой Бенна, поскольку маркиза изъявила желание помолиться наедине с дочерью. Шальдо Брейя, вышедший провожать гостей, пребывал в прекрасном расположении духа. Да, нелегкое это дело – быть тайным супругом такой женщины, как Эльсейда. Но красавчики приезжают, уезжают, а он остается. Ревнует, как без этого? – порой с ума сходит от ярости, однако муж-то – он. Вон – Лертэно Гвернский неотрывно наблюдает за дверью капеллы, нервно теребя перчатки, подлец. Как есть подлец! Спросить бы у Эльсейды, где синеглазый принц провел ночь, так не ответит. Взглянет недоуменно, пожмет плечами – и всё. Эртер коротко бросил смазливому оруженосцу, что поедет верхом. Подвели вороного жеребца. Герцог ловко вскочил в седло. Конь звонко перебирал копытами, фыркал. Переживает принц, ох как переживает, глаз с капеллы не сводит. Шальдо почувствовал, как тепло удовлетворения растекается по сердцу. Ведь как мало надо человеку, чтобы хоть на мгновение почувствовать себя счастливым!

Тем временем в капелле маркиза, молившаяся у алтаря, поднялась с колен.

– Пора, – промолвила она, и дочь послушно последовала за матерью.

Эльсейда с улыбкой погладила Анну по щеке и обняла. Девушка уткнулась носом в материнское плечо и судорожно вздохнула. Маркиза мягко оттолкнула дочь от себя и сказала:

– Иди.

Анна подняла на мать глаза, полные слез, и прошептала:

– Матушка, мой муж будет таким же, как...

– Как Лертэно Эртер? Нет, не будет, – Эльсейда отвечала сухо и устало. От этого стало горько, однако Анна все-таки сдержалась и не всхлипнула. Хотя так хотелось! Еще раз прижаться к материнскому плечу и просто помолчать, а Эльсейда, как когда-то в детстве, погладила бы ее по голове и ласково поцеловала бы в темечко.

Маркиза подтолкнула дочь к выходу и твердо сказала:

– Иди.

Анна, даже не посмев оглянуться, быстро вышла из капеллы. Оттого-то она и не видела, как Эльсейда, закрыв лицо руками, заплакала.

Черноволосый герцог, из-за которого невеста Рэссимонда не могла ночью уснуть, гарцуя на красивом жеребце, с удивлением спросил:

– Разве ваша матушка не будет провожать вас, графиня?

Анна покачала головой. Эртер с досадой передернул плечами и хлестнул себя перчатками по ноге. Любезный граф Вользуанский, стоявший ближе всего к капелле, подал девушке руку и подвел к повозке. Изящная придворная дама, следующая с Анной в Армалон, села рядом с госпожой и подала любимую левретку.

Герцог Гвернский отдал приказ отправляться.

Анна закрыла занавесь и обратилась к придворной даме:

– Анже, почитайте мне.

Молодая женщина достала небольшую книжечку. Ее голос зазвучал мелодично и напевно, под стать тем романсам, что слетали с ее губ. В воображении принцессы прекрасные слова любви сплетались с не менее прекрасными образами. Она положила головку на плечо придворной дамы и мечтательно вздохнула.

Маркиза Бенна наблюдала за удаляющейся процессией с одной из башен замка. Шальдо Брейя, все еще пребывая в прекрасном расположении духа, стоял позади Эльсейды, положив руку на ее плечо.

– Дорогая... – начал было он.

Но маркиза раздраженно сбросила его ладонь и резко сказала:

– Не сейчас, Шальдо.

– Что с тобой? – спросил Брейя, подозревая, что сегодня будет ночевать один.

– Дурные предчувствия, милый.

Глава 2

Король Мезеркиля Эрвик V неподвижно сидел в кресле, страдая под тяжестью одежд. Лицо государя еще хранило остатки былой красоты, однако недуг, некогда сожравший изнутри его отца, уже превращал самого короля в живые мощи. За физической слабостью следовала слабость ума, пугавшая гораздо больше, заставлявшая болезненно сжиматься и без того горящие внутренности. Незаметно для себя Эрвик привык к легкой брезгливости, мелькавшей во взгляде жены и приближенных, привык к безвкусному вареву, к запаху лекарств и даже боли. Однако до сего дня он чувствовал, что живет. Этим же утром пришло осознание конца, сопровождавшееся запахом тления.

Владелец едва ли не самого могущественного королевства Запада очень боялся смерти. Он, когда-то бесстрашно взиравший в ее оскаленную пасть на поле боя, понял, как жутко **так** умирать. Чувствовать, как капля за каплей из тебя уходит жизнь. Знать, что для Армакера и семьи твоя скорая кончина – событие почти случившееся, уже данность. Видеть напряженное лицо королевы, быть может, считающей дни до вожделенного траура. В конце концов, как обидно умирать среди такого великолепия! Полыхающие витражи с листовным орнаментом, ажурная резьба мебели, гобелены с изображением, увы, чужих побед. Все это останется. И всполохи красок на потолке, и мраморный плющ на каминном портале. Брат-наследник будет касаться руками бархатного полога с сияющими солнцами, всматриваться в вытканые лица героев. А он, Эрвик, растворится в полном небытии, как только проветрят его покои.

Окруженный сплошными поражениями, король жаждал совершить что-то значимое, дабы немного облегчить привкус смерти. Многого, конечно, не успеть, а потому оставалось лелеять надежду, что удастся дожить до заключения крепкого мира с Рользатом. Полубезумными ночами, когда сон его покидал, Эрвик до мелочей продумывал план мирных переговоров. Но каждый раз перед ним вставало стоглавое чудовище – его двор. Молодые львы Мезеркиля жаждали войны. Если переговоры с Хэрдоком о Сьере закончатся не в лучшую сторону для Эрелингов, Рэссимонд, Крестоланд и Лертэно (уж в этом-то они были заодно) начнут вопить о чести и требовать войны, которую допустить нельзя, ибо они проиграют – королевство к ней не готово... Война... Война... Сейчас нужно было держаться мира даже в том случае, если понадобится отдать Сьер.

Эрвик давно потерял иллюзии относительно своего царствования, которое в самом начале представлялось ему полным великих свершений. Всё тлен, всё дым! Не нужно было затевать и той первой кампании, уже тогда следовало отступить от спорных земель. Но он был так молод, ему так хотелось перекрыть славу великого отца. Казна казалась неисчерпаемой, вера в победу неиссякаемой, а уж уверенность в своих талантах полководца...

Переговоры должны были состояться через два года, но подумать над создавшимся положением следовало уже сейчас, выяснив, что думает по этому поводу Королевский совет. Ведь если война – готовиться лучше заранее. Да и неизвестно, чего можно ожидать от Рользатского Лиса. А когда придет время... но проживет ли он эти два года?

Король с трудом встал и подошел к окну с открытыми нижними ставнями. Острая боль ударила под ребра, Эрвик застонал и покачнулся, ухватившись за деревянную ставенку.

«Сколько, сколько еще осталось? Сколько еще ждать!» – невзирая на безудержную жажду жизни и невыносимый страх смерти, боль заставляла порой звать к Господу, прося избавлений от страданий.

Плешивый камердинер с головой, похожей на редьку (это сходство весьма забавляло Рэссимонда), объявил, что его высочество герцог Милертский и его высочество герцог Артехейский ожидают, когда его величество соизволит их принять.

– Принцы? – недоуменно переспросил король.

– Да, ваше величество, вы приказали им явиться.

– Пусть войдут.

Из-за недуга Эрвик отдавал приказы и забывал о них. С досадой он подумал, что вскоре во дворце начнут шептаться, будто его величество сходит с ума... если уже не шепчутся. А там недалеко и до площадей. Король снова сел в кресло и, преодолевая боль, выпрямил спину.

Принцы вошли в комнату и заняли небольшие креслица напротив Эрвика. Одинаковые прически со спиралевидными локонами и медовый цвет волос делали братьев на первый взгляд очень похожими. На второй сходства уже наблюдалось меньше.

Двадцатипятилетний герцог Артехейский, невысокий, жилистый, с мощными плечами, казался старше своих лет. Армалонцы с издевкой называли его «Красавчик», благодаря багровому шраму, пересекавшему левую щеку. Уродливая метка, оставленная принцу войной, в Армакере поэтически именовалась «сьерским поцелуем». Бешеный нрав Эрелингов, упрямство и своеволие горели в крови Рэссимонда, истинного сына своей эпохи. Всегда в оппозиции, всегда в распрях! Он был головной болью королевской семьи.

Артори Милертский, которому шел двадцать девятый год, являл собой полную противоположность младшему брату. Принц-наследник был изящен, высок, говорил мало, ровно и почему-то всегда оказывался прав. Последнее особенно выводило из себя герцога Артехейского и раздражало короля. Ледяное спокойствие, безукоризненное поведение создавали ему неплохую репутацию на Королевских советах, сановники и послы иностранных держав предпочитали иметь дело именно с наследным принцем, а не с болезненным королем. Но в отличие от безбашенного Рэссимонда, портившего жизнь армалонцам и семье, герцога Милертского в народе не любили, а это значило гораздо больше, чем признание Армакера и соседних королевств.

Эрвик, будучи крайне подозрительным, не доверял обоим братьям. Немногословность и расчетливость Артори могла таить для короля ускоренную кончину, а буйный нрав непоследовательного Рэссимонда грозил потерей герцогства Артехейского. Однако не меньшим злом ему казался дядя, маркиз Сантарский, со своим отпрыском Крестоландом. Будь Крестоланд один, на него можно было бы махнуть рукой. Но он был свиреп, мстителен и злопамятен, а искусный интриган и тонкий политик Мавирлин Сантар мог всегда направить его в нужное русло. Король одно время подозревал дядю в связях с Рользатом, но доказательств заговора не было. А то, что кто-то когда-то куда-то опоздал... Так ведь все бывает на войне.

Бенна и Гверн также беспокоили вго Величество. Герцог Ишар и маркиза Эльсейда вызывали неудовольствие уже тем, что не считали нужным появляться в Армалоне, дабы продемонстрировать вассальную зависимость и верность сюзерену. Лертэно Эртер, напротив, раздражал своим постоянным присутствием при дворе, но отправить герцога Гвернского в Кальярд было бы гораздо худшим решением.

Порой несчастному королю начинало казаться, будто все пять герцогств состоят в заговоре против него и хотят оставить от Мезеркиля один лишь Армалон с прилегающими к столице землями. Приходя в исступление от этой мысли, Эрвик тут же гнал ее от себя. Ведь думать так было признаком безумия. Младших принцев больше занимали девки, взаимная дружба или ненависть. Брату-наследнику заговоры ни к чему, в скором времени он получит вожаемое королевство. Дядя и герцог Бенна... тут следовало подумать, крепко подумать...

Артори, бесстрастно перебиравший сердоликовые четки, наконец, прервал молчание:

– Вы звали нас, ваше величество.

«А когда-то он звал меня по имени», – подумал Эрвик. Зачем ему нужны были братья, король уже не помнил. Губы герцога Милертского дрогнули в едва заметной усмешке.

– Итак, Ваше Величество, – более настойчиво произнес он.

Эрвик медленно проговорил:

– Рэссимонд, ваша невеста прибывает через два дня.

Герцог Артехейский раздраженно бросил:

– Если вы звали меня, чтобы еще раз узнать **мое** мнение или вдруг решили прислушаться к **моим** желаниям, то я снова повторю: я не вижу смысла в этом союзе.

Король очень не хотел повышать голос, совсем не хотел, однако не смог сдержаться.

– А смысл только один – земли, Рэссимонд! Земли, которые получит Мезеркиль! Личные лены Эльсейды. Хотя бы из-за этого Анна должна вам весьма и весьма нравиться.

– А мне не нравится! – лицо принца стало приобретать багровый оттенок, а щрам побелел. – Я принц Мезеркиля, и мне всегда казалось, что я смею претендовать на лучшую партию, чем полунищая Бенна с ее полунищими землями. Да, я знаю, что последние пять лет дела маркизы, да и самого герцога, идут не самым лучшим образом. Маркиза не может справиться со своими вассалами. Мне придется подавлять мятежи, что совсем не входит в мои планы... Моя первая супруга, Царствие ей Небесное, была не красавица, но в ней текла кровь императоров Лакрассара.

Эрвик чувствовал, как начинает кружиться голова, а показывать слабость не хотелось. Он попытался слотнуть слюну, и герцог Милертский увидел, как дернулся кадык на тощей шее царственного брата. Артори едва заметно вздохнул и резко прервал младшего принца:

– Рэссимонд! Прислушайтесь, наконец, к тому, что вам говорят. Анна – любимая племянница герцога Ишара и любимая дочь маркизы. Герцог отдает за ней два графства, не входящие в Бенна, а мать – половину своих ленных земель, а это немало. Другая половина отходит Эларту Бенна и ее возможному мужу. Мы даже не сможем оспорить решение герцога в пользу Ее Величества, так как в Бенна свои законы наследования – герцог сам выбирает своего приемника и наследника. Оказывать давление силой на Бенна также бесполезно. Брак – лучшее решение этого вопроса. Кстати, у вас неверное представление о том, как идут дела Ишара.

Рэссимонд угрюмо ответил:

– Допустим... допустим... Но зачем вы спрашиваете, что я думаю об этом союзе? Выбора-то все равно нет. Вы упорно не даете разрешения на брак с Шарликой. Конечно, я женюсь на Бенна, деваться-то мне все равно некуда.

– Ваши ухаживания за Шарликой Форльдок совершенно недопустимы, – сказал король. – Вы даже не представляете, к чему привели знаки внимания, которые без конца вами оказываются! Ее отец и старший брат в бешенстве, поскольку эта дама так и не стала вашей женой. Мне стоило и стоит определенных усилий сгладить двусмысленность ее положения. Гьютр обзаводится новыми землями, Армондэ просто так становится рыцарем. Из-за столь пристального внимания к этой женщине нам придется вскоре искать ей второго мужа. Но вы же об этом не думаете, как и о пересудах за ее спиной!

Герцог Артехейский пожал плечами.

– Так вы же и не даете мне разрешения на этот брак!..

Солнце приобрело красноватый оттенок, пробивающийся сквозь верхние витражи. На полу складывался пламенеющий рисунок. В комнате похолодало, король укутался в упеянд. Братья молчали. Наконец король произнес:

– Нужно приказать, чтобы разожгли камин. Мне постоянно холодно.

Рэссимонд тяжело вздохнул. Герцог Милертский подпер подбородок рукой и медленно проговорил:

– Ваше величество, вы же звали нас не для того, чтобы обсуждать сердечные пристрастия нашего брата... Я слышал, от Хэрдока Рользатского вам пришло письмо. Там ведь есть что-то о переговорах?

– Разумеется, он хочет, чтобы мы отдали Сьер, – королю очень не нравилось произносить эти слова, даже вспоминать о Хэрдоке не хотелось.

– И как вы полагаете, что мы будем делать?

– Думать. Впереди у нас еще два года.

Герцог Артехейский принял важный вид и сказал:

– Я полагаю, двух мнений быть не может. Мы обязаны сохранить те земли, где пролилась мезеркильская кровь. Сьер изначально был наш, и восемь лет назад мы это доказали.

Артори покачал головой и возразил:

– Все-таки следует хорошо подумать, прежде чем принимать опрометчивое решение. Исходя из ваших слов, Рэссимонд, единственное, что мы должны сделать, – прямо сейчас укреплять оборону Сьера и стягивать на северо-запад основные силы. Лазутчики Хэрдока тут же об этом доложат в Рользат, и война начнется раньше, чем мы можем предположить. Но желание, ваше величество, отдать Сьер во что бы то ни стало, сохраняя мир, вызовет недовольство баронов, и это приведет к далекоидущим последствиям. По крайней мере Гверн и Артехей жаждут этой войны. В любом случае необходимо собрать Малый королевский совет в самое ближайшее время. Кстати, что думает по этому поводу наш дорогой дядюшка?

– Молчит, – Эрвик развел руками, показывая, что вряд ли от Сантара можно ожидать чего-то большего.

– А Крестоланд при каждом удобном случае напоминает ему о необходимости войны, – продолжил герцог Милертский. – Пока Мавирлин колеблется, так как особой выгоды от военных походов для него нет – только траты. И хотя Сантар может понести такие расходы, не прибегая к займам, – к чему это герцогу? Оставим Гверн и Артехей – с ними все понятно. Что решит герцог Бенна – тоже интересно. Маркиза, разумеется, будет против войны. А мы, ваше величество? Насколько я понимаю, казна... (Эрвик умоляюще поднял руку)... Тогда нам придется поднимать налоги или обращаться к банкирам...

Король тяжело вздохнул и тихо произнес:

– Если мы ввяжемся в эту войну, то последствия...

Рэссимонд нетерпеливо прервал брата:

– Можно долго гадать, что случится, если мы откажем Рользату. Но если мы согласимся отдать Сьер, то все будут знать – Мезеркиль слаб, и вот тогда последствия будут самыми разнообразными!

Артори чуть приподнял брови, что означало крайнюю степень удивления.

– Я вынужден согласиться с вами, Рэссимонд, – сказал он. – И так будут считать многие. Повторюсь, необходимо созывать Малый королевский совет. Хэрдок ожидает сейчас ответа, дабы иметь время подготовиться к войне. Неплохо бы и нам озаботиться тем же. Так как, вне зависимости от Сьера, война может быть очень и очень близка.

Эрвик кивнул в знак согласия.

– Пятнадцатого августа! – выпалил Рэссимонд и почему-то покраснел.

Герцог Милертский снова приподнял брови.

– Почему не раньше? – спросил он.

Младший принц покраснел еще больше и принялся что-то внимательно рассматривать на полу.

– Мы ждем, Рэссимонд, – голос короля прозвучал очень неприятно.

Герцог Артехейский упрямо сжал губы и неожиданно спокойно произнес:

– Меня устраивает именно пятнадцатое августа, ни днем раньше.

– Вы думаете, у вас будет время уговорить кого-нибудь принять вашу сторону на Совете?

Рэссимонд по-детски улыбнулся, отчего у Эрвика сжалось сердце – ему не хотелось видеть брата таким, ведь он уже решил, что принцы – враги, в той или иной степени, но враги. А детская улыбка Рэссимонда заставляла вспомнить время, когда он еще мог жить и чувствовать родство крови, святость собственной власти, безграничную преданность и любовь народа... и королевы. Настроение короля еще больше испортилось. Он жестом дал понять братьям, чтобы они вышли.

Артори и Рэссимонд удивленно переглянулись, но все же поспешно встали и, как показалось Эрвику, с облегчением направились к двери. Герцог Артехейский, пропуская вперед брата, взглянул на него и вдруг с мальчишеской радостью подумал: «Лягушка холодная... как есть – лягушка... Принц-лягушка! Принц-лягушка!»

* * *

Кортеж Анны Бенна остановился в предместьях Армалона. Для невесты герцога Артехейского были подготовлены комнаты в охотничьем домике короля, где тот в прежние времена останавливался. С болезнью Эрвика здание пришло в запустение, принцы и придворные теперь предпочитали более роскошную резиденцию Мавирлина Лавура Сантара, дяди короля. Она хотя и располагалась дальше от Армалона, но была гораздо комфортнее (это слово недавно распространилось при дворе). Охотничий домик Эрвика, сплошь увитый плющем, по традиции приводили в порядок на Рождество и Пасху, после чего о нем, казалось, забывали. Если же по каким-то причинам его готовили для гостей, то он встречал посетителей запахом старой мебели и сырости.

Анна стояла посреди комнаты в одной рубашке, нескрывающей ступни, и терпеливо ждала, когда придворные дамы закончат ее переодевать. Их бесконечные разговоры слились в многоголосное щебетание, от которого, вкупе с удушающей жарой, начинала кружиться голова. Яркий свет лился из распахнутых окон, затопляя всю комнату, наспех задрапированную светлой тканью. Принцесса смотрела на полуоткрытую дверь, за которой ее ожидали герцог Гвернский и граф Вользуанский, и с волнением размышляла, может ли Лертэно ее сейчас видеть. От одной мысли об этом по телу разливалась неведомая доселе нега, стыдливость молчала, розовели щеки, и нежная улыбка трепетно касалась ее губ.

Щеки герцога Гвернского тоже розовели, но уже в полумраке, даровавшем относительно прохладу. Столь нежный цвет лица появился по вполне понятным самому Лертэно причинам, несмотря на то, что полуоткрытая дверь позволяла видеть лишь столб света, в котором иногда мелькали цветные пятна платьев. А слышал он все то же бессмысленное щебетание, сопровождавшееся звонким смехом. Какое-то время Лертэно с удовольствием представлял себе раздетую Анну, неуловимо похожую на Эльсейду. Потом вспомнил восхитительную ночь, проведенную в игрушечном замке маркизы, что помогло утвердиться во мнении, будто он точно влюблен, причем страстно и, как всегда, по-настоящему. Впрочем, эти мысли занимали его недолго, и дурное настроение, овладевшее им, как только он увидел охотничий домик, вернулось.

В столбе света, вырывающегося из покоев будущей герцогини Артехейской, кружились, поднимаясь к потолку, пылинки. Свет этот казался Лертэно удивительно ярким, из-за чего полумрак помещения, в котором он сидел с Ноарионом, становился гуще и очертания комнаты немного расплывались. Возможно, дело было в удушающей жаре, от которой не спасали каменные стены, и каждая складка парадного одеяния чувствовалась телом. А возможно, пришло ненужное воспоминание, одно из тех, что необходимо забыть. Цепкие крысиные коготки начинали разрывать сердце, а перед глазами разворачивались картины, ранее силой запиханные куда-то далеко на чердак памяти. Но оказалось, что нельзя забыть, стереть, как будто и не было того кошмара. Одно воспоминание, всплывающее от знакомого запаха или звука, тут же притягивало к себе другие, те самые, тщательно запрятанные и вычеркнутые.

Однажды герцог Гвернский уже останавливался в охотничьем домике. Тогда за окном царила зимняя ночь и тени скакали в дикой пляске по стенам, красным от пламени камина. Дверь в комнату, где сейчас одевали принцессу из рода Бенна, была распахнута. И там, не стыдясь беломраморной наготы, стояла прекрасная рыжеволосая женщина с улыбающимися земляничными губами. Еще никого до нее и никого после он не желал с такой страстью, с таким

самозабвением. Той ночью она была к нему благосклонна не в первый раз, но, как оказалось, – в последний. Через два дня он смотрел на обезображенное, превращенное в кровавое месиво лицо, на котором уже не было земляничных губ. И через три года в знойный летний день это изуродованное лицо встало перед глазами и никак не хотело исчезать.

От наваждения нужно было избавиться. Герцог порывисто вскочил и направился к полуоткрытой двери, распахнув ее прежде, чем граф Вользуанский успел его остановить. Бессмысленное щебетание на мгновение смолкло, но тут же продолжилось с беспокойными нотками, цветные пятна платьев сомкнулись в шеренге, защищая полуодетую принцессу от его взглядов. Наваждение ушло. Вместо мертвого лица он увидел прозрачные изумрудные глаза, обрамленные длинными, дрожащими от испуга ресницами. Анна робко выглядывала из-за плеч придворных дам. Лертэно улыбнулся и беззаботно произнес:

– Не мог удержаться...

После он плотно закрыл дверь и вернулся к Ноариону. Герцог опустился в кресло, и улыбка сошла с его губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.